Международный научно-практический журнал

ПРАВО

и ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

№ 1 (01) 2018

Учредитель:
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия:
ПИ № ФС77-72703 от 23.04.2018

Генеральные партнеры издания:
Общероссийская общественная организация **«Ассоциация юристов России»**,
Общероссийская общественная организация **«Ассоциация российских дипломатов»**

Партнеры издания:
ООО «Институт Комплаенса»,
ООО «Эффективные бизнес-ресурсы» (ООО «ЭБР»),
ООО «IT-Технология»,
Адвокатское бюро «Ирбис»,
Региональная правовая компания ООО «РПК»

Журнал издается с 2018 г., выходит 2 раза в год, является международным научным и научно-практическим изданием.
Основные языки журнала: русский, английский

Главный редактор
ЕГОРОВА Мария Александровна
профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, председатель Комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского отделения Ассоциации юристов России, член Международного комитета цифровой экономики БРИКС, член комитета Торгово-промышленной палаты РФ по безопасности предпринимательской деятельности, доктор юридических наук, доцент

Концепция журнала:
журнал позиционируется как периодическое печатное издание, посвященное рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств

Круг читателей журнала:
преподаватели и студенты юридических факультетов вузов, государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, аспиранты, магистранты, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств

Основные рубрики журнала:
- Государственное регулирование цифровой экономики
- Правовое регулирование криптовалюты и майнинга
- Краудфандинг (проблемы и перспективы)
- Правовое регулирование Больших данных
- Технология блокчейна и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.)
- Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере
- Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле
- Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций
- Правовой статус смарт-контрактов
- Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков
- Информационная безопасность
- Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования

Председатель редакционного совета
БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович —
профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сопредседатель Ассоциации юристов России, заслуженный юрист РФ

Заместители председателя редакционного совета
СИНЮКОВ Владимир Николаевич —
проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
ЕГОРОВА Мария Александровна —
профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

Ответственный секретарь
Харитонова Юлия Сергеевна —
профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Александров С. В., руководитель Аппарата Ассоциации юристов России
Белых В. С., директор Института права и предпринимательства Уральского государственного юридического университета, заведующий кафедрой предпринимательского права, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор.
Вавилин Е. В., проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор
Вайпан В. А., проректор МГУ имени М. В. Ломоносова (МГУ), доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, почетный юрист города Москвы, кандидат юридических наук, доцент
Губин Е. П., заведующий кафедрой предпринимательского права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Ермаков В. П., генеральный директор Российского агентства поддержки малого и среднего бизнеса (член консорциума «Enterprise Europe Network – Россия»), общественный представитель Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите малого и среднего предпринимательства, кандидат экономических наук
Ершова И. В., заведующий кафедрой предпринимательского корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор
Зайтц Т. Г., президент Швейцарского центра международного гуманитарного права, адвокат и нотариус, почетный профессор и доктор, магистр правоведения, магистр гуманитарных наук (HSG, Швейцария) (Цюрих, Швейцария)
Кинев А. Ю., член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Литвинова Н. Н., президент Международного комитета цифровой экономики (БРИКС), президент Всемирного фонда ресурсов развития «Рождение мира», член Евразийского информационно-аналитического консорциума (Россия), кандидат юридических наук
Максимов С. В., помощник Руководителя ФАС России, доктор юридических наук, профессор
Менно Аден, адвокат (Эссен), доктор права, почетный профессор (Бонн, Германия)
Ньюрих Р.-Ж., магистр права (Грацский университет имени Карла и Франца, Австрия), магистр права (Университет Макгилл, Монреаль, Канада), доктор права (Европейский университет, Флоренция, Италия), доктор права, профессор и координатор программы «Магистр Международного делового права» юридического факультета Университета Макау (Китай)
Попондопуло В. Ф., заведующий кафедрой коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Пузыревский С. А., заведующий кафедрой конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), зам. руководителя ФАС России, кандидат юридических наук, доцент
Сурендра Сингх, научный сотрудник Центра сравнительной политологии и политической теории, школы международных исследований университета Джавахарлала Неру (Нью-Дели, Индия), ассоциированный член Института оборонных исследований и анализа (ИОСИ) (Нью-Дели, Индия), приглашенный профессор школы политических исследований МГИМО МИД России, кандидат философских наук
Сушкевич А. Г., директор Департамента антимонопольного регулирования Евразийской экономической комиссии, профессор базовой кафедры ФАС России на факультете права НИУ «Высшая школа экономики», заслуженный экономист РФ, кандидат экономических наук
Филимонов А. А., управляющий партнер ООО «Институт Комплаенса», кандидат экономических наук
Франскевич О. П., начальник отдела экспертного обеспечения законопроектной деятельности Экспертно-аналитического управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
Халевинский И. В., председатель Ассоциации российских дипломатов, сопредседатель Генерального совета Ассамблеи народов Евразии, кандидат экономических наук
Цимерман Ю. С., профессор кафедры предпринимательского корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), советник АО «Группа компаний Ренова», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Белицкая А. В., доцент кафедры предпринимательского права МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук
Беляева О. А., заведующий кафедрой частноправовых дисциплин, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
Богданова Е. В., заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
Брой Ш. У., генеральный секретарь Швейцарского центра международного гуманитарного права, почетный профессор, доктор управления бизнесом (DBA) (Цюрих, Швейцария)
Волков А. В., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии экономики и права, управляющий партнер адвокатского бюро «Ирбис», адвокат
Герасимов В. И., заведующий отделом научного сотрудничества Института научной информации по общественным наукам РАН, кандидат филологических наук
Городов О. А., профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук, профессор
Канцер Ю. А., генеральный директор региональной правовой компании ООО «РПК», кандидат юридических наук
Кванина В. В., заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права юридического факультета Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), доктор юридических наук, профессор
Куприянов М. Э., генеральный директор компании «Норд Системс», председатель совета генеральных директоров альянса технологических компаний «Атлант Энергия»
Паращук С. А., доцент кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук (по согласованию)
Петров Д. А., доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доцент
Рассолов И. М., и.о. заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент
Сафонов В. В., главный консультант Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации
Скворцов А. А., юрисконсульт ООО «Научно-производственное предприятие “ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ”», кандидат юридических наук
Тепкина А. В., заместитель руководителя юридического департамента ООО «Катерпиллар Файнэншл», кандидат юридических наук
Фуртак А. А., начальник управления корпоративной работы АО «Гознак», кандидат юридических наук
Ючинсон К. С., преподаватель-исследователь Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

В НОМЕРЕ

От редакции 4

Государственное регулирование цифровой экономики

Городов О. А., Егорова М. А.
Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России 6

Брой У. Ш.
Блокчейн и кибервалюты: нужна ли новая законодательная база? ... 13

Макарчук Н. В.
Публично-правовые ограничения использования криптовалют как способ минимизации возможных рисков цифровизации экономики 21

Правовые инструменты в цифровой экономике

Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.
Цифровые активы и технологии: некоторые правовые проблемы выработки понятийного аппарата 25

Цифровая инфраструктура и право

Поддубный Е. О.
К вопросу об оптимизации деятельности судов в России посредством электронного правосудия 31

Антимонопольное регулирование в сфере цифровой экономики

Писенко К. А., Гаспарян Э. Г.
Актуальные вопросы методического обеспечения исследования состояния конкурентной среды на цифровых рынках 35

ОТ РЕДАКЦИИ

Цифровая экономика представляет собой важнейшую тему научных дискуссий последних нескольких лет. Необходимо установление в законодательстве обоснованных механизмов контроля со стороны государства за деятельностью субъектов цифровой экономики. Исследование нормативного регулирования цифровых отношений представляет собой стратегическую задачу, являющуюся элементом государственной политики, направленную на обеспечение безопасности всего современного мира и подчинение деятельности отечественных субъектов цифровой экономики существующим международным стандартам.

Именно в этом аспекте проявляется уникальность представленного журнала. В состав его редакционного совета и в авторский коллектив включены ведущие европейские специалисты в области нормативного регулирования цифровой экономики. В реализации этой задачи самое непосредственное участие принимает Ассоциация российских дипломатов, являющаяся генеральным партнером данного научно-практического издания.

Разработка проблем законодательного регулирования правоотношений в сфере цифровой экономики вполне закономерна в свете принятия последних нормативных правовых актов в данной сфере только в 2017 г. Так, в мае 2017 г. Президент РФ утвердил Стратегию развития информационного общества на 2017—2030 годы, а 28 июля 2017 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» . Исследуя правовую природу отношений, складывающихся в связи с созданием цифровых экосистем в России, экспертное и научное общество пришло к единому заключению, что в силу специфики существующей в России правовой системы без регулирования такого системообразующего элемента экономики, как цифровая экосистема, не обойтись.

В рамках реализации Стратегии и программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагается активное внедрение информационных технологий во все сферы жизни и соответствующее изменение правового регулирования. Эпоха цифровой экономики обещает создать качественно новый, лучший мир, начиная с роботизации отдельных отраслей промышленности, использования технологии блокчейна в отдельных сферах государственного управления, внедрения смарт-контрактов и полного перехода на электронный оборот и заканчивая решением глобальных проблем, над которыми человечество работало последние десятилетия (того же парникового эффекта или ограниченности питьевых ресурсов). Как отмечено в программе, ее реализация должна существенно повысить уровень благосостояния общества, конкурентоспособность нашего государства. Неслучайно для достижения аналогичных целей вопросами цифровой экономики активно занимаются все развитые страны, а отдельные аспекты (например, регулирование криптовалют) приобретают межнациональное значение. Цифровизация — это мировая тенденция, поэтому ее реализация как одно из ключевых направлений политики нашей страны неизбежна, если мы желаем развития и процветания России.

Изменение нормативных основ регулирования цифровой экономики невозможно без комплексного междисциплинарного исследования новых явлений, привнесенных эпохой цифровизации, определения их сущности и места в существующей системе. Правовой статус участников цифровых экосистем определяется двумя составляющими: во-первых, их ролью в тех правоотношениях, которые «перенесены» в цифровое пространство (например, продавец и покупатель вещи в интернет-магазине, заказчик и исполнитель услуг, автор литературного произведения и потребитель цифрового контента, налогоплательщик и налоговый орган, оператор персональных данных и субъект персональных данных и т.д.); во-вторых, их ролью в правоотношениях, в самом цифровом пространстве (например, оператор телематических услуг связи и абонент, поставщик услуг доверенных сервисов и заказчик соответствующих услуг, провайдер хостинга и пользователь услугами хостинга и т.д.).

В первом случае правовой статус участников цифровой экономики регламентируется классическим отраслевым законодательством (гражданский кодекс, налоговое законодательство, таможенный кодекс, банковское законодательство, законодательство об образовании и т.д.), в связи с чем дополнительные или измененные права и обязанности участников цифровой экономики в рамках правоотношений должны регламентироваться именно отраслевым законодательством (например, Налоговый кодекс РФ содержит специальные нормы, регламентирующие порядок использования электронных счетов-фактур, отличный от порядка использования бумажных документов, административные регламенты содержат различный по-

рядок действий при подаче заявления в бумажном виде и в электронном виде и т.д.).

Во втором же случае правовой статус субъектов цифровой экономики регламентируется актами, которые условно можно назвать специальными, регламентирующими инфраструктуру цифровой экономики, к которым непосредственно относится законодательство о связи, о регулировании оборота информации и защиты персональных данных и иной информации ограниченного доступа. Именно в этих законах должны регламентироваться права и обязанности участников тех правоотношений, которые существуют исключительно в цифровом пространстве, а также общие права и обязанности всех участников цифрового пространства, связанные с оборотом информации и использованием цифровых каналов связи.

В настоящее время юридическое сообщество как в России, так и в зарубежных странах активно вовлечено в процесс нормативного регулирования правоотношений в сфере цифровой экономики. Это проявляется как в проведении конференций, форумов, круглых столов на тему цифровой экономики, так и в стремительном росте популярности тематических семинаров и курсов повышения квалификации в данной сфере. Активно создаются рабочие группы, занимающиеся разрешением и уже имеющихся проблем в цифровой среде.

Таким образом, правовое регулирование создания и функционирования цифровой экосистемы должно базироваться на комплексном подходе к цифровым правоотношениям как к социотехнической системе, когда новые технологии перестают рассматриваться только с точки зрения электронно-вычислительной техники и программного обеспечения, а будут представлять собой комплексное явление, определенную экосистему, включающую в себя субъектов, объекты и связи между ними. Реализация этих задач возможна лишь при вовлечении в процесс нормативного регулирования данных правоотношений научных концепций и теоретического осмысления проблем в указанной сфере.

Планируются основные рубрики журнала: «Государственное регулирование цифровой экономики»; «Правовое регулирование криптовалюты и майнинга»; «Краудфандинг (проблемы и перспективы)»; «Правовое регулирование систем Больших данных (Big data)»; «Технология блокчейна и криптовалюты (Bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.)»; «Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере»; «Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле»; «Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций»; «Правовой статус смарт-контрактов»; «Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков»; «Информационная безопасность; правовая природа и особенности регулирования консорциумов промышленного Интернета».

В каждом номере журнала предполагается рассмотрение широко круга проблем в сфере цифровой экономики. В частности, планируется обсуждение методологических основ нормативного регулирования цифровой экономики, нормативного регулирования деятельности участников (субъектов) процессов цифровой экономики, исследования специфики правового статуса объектов гражданских прав в условиях цифровой экономики, особенностей совершения электронных сделок, государственного регулирования цифровой экономики, применения и внедрения стимулирующих нормативно-правовых мер в указанной сфере общественных отношений, правового обеспечения информационной безопасности в условиях цифровой экономики и многих других вопросов.

Редакционный совет журнала выражает надежду, что предлагаемое научно-практическое издание будет способствовать формированию современной концепции нормативного регулирования цифровой экономики не только на правовом пространстве России, но и в международном масштабе.

Мария Егорова,
главный редактор журнала «Право и цифровая экономика», доктор юридических наук, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Международного комитета цифровой экономики

О. А. Городов*,
М. А. Егорова**

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ[1]

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления совершенствования российского законодательства в сфере цифровой экономики. В частности, даны предложения по совершенствованию норм гражданского законодательства в сфере интеллектуальной собственности, Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и иных нормативных правовых актов. Рассмотрен зарубежный опыт правового регулирования в сфере цифровых правоотношений.

Ключевые слова: цифровая экономика, смарт-контракты, блокчейн, биткоин, интеллектуальная собственность, криптовалюта, Большие данные, информационное посредничество.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.006-012

В 2017 г. в Российской Федерации наметился новый этап развития экономики страны, который характеризуется не только необходимостью правового осмысления перспектив устойчивого формирования и дальнейшего развития ее цифрового сегмента, но и необходимостью корректировки действующего законодательства. В июле 2017 г. Правительством РФ была принята Программа цифровой экономики[2] (далее — Программа). ***Целями Программы*** являются: создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан; создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и (или) развития высокотехнологических бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и на высокотехнологичных рынках; повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом.

© Городов О. А., Егорова М. А.

* Городов Олег Александрович,
профессор кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук
** Егорова Мария Александровна,
профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), председатель комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского отделения Ассоциации юристов России,
член Международного комитета цифровой экономики, член комитета Торгово-промышленной палаты РФ по безопасности предпринимательской деятельности, доктор юридических наук, доцент;
почетный профессор Университета им. Иоганна Генриха Песталоцци (Флорида, США), почетный профессор Университета Логос (Майями, США),
член Международного комитета цифровой экономики

[1] Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».

Как указано в Программе, в целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» (далее — Стратегия развития информационного общества), Программа направлена на создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами.

При анализе целей, указанных в Программе, можно сделать вывод, что государство подразумевает значительную организацию поддержки цифровизации России.

Цифровые технологии, в последний год активно применяемые как в России, так и за рубежом, являются лишь средством повышения эффективности экономики. Развитие цифровой экономики требует изменения российского законодательства в соответствии с новыми правоотношениями, которые возникают между особыми субъектами и по поводу необычных для традиционного понимания объектов.

Не секрет, что хозяйствующие субъекты активно используют ресурсы и возможности информационно-коммуникационной сети Интернет для продвижения товаров, работ, услуг. В некоторых случаях отдельные действия хозяйствующих субъектов способны вступать в противоречие с антимонопольным законодательством.

Сегодня большой популярностью среди инструментов информационного поиска пользуются хэштеги. Хэштег (англ. *hashtag* от *hash* — знак «решетка» + *tag* — метка) — ключевое слово сообщения, тип пометки или тега, используемый в микроблогах и социальных сетях, облегчающий поиск сообщений по теме или содержанию.

Проблема заключается в том, что любой хозяйствующий субъект, реализующий продукт, работу, услугу, может использовать и использует хэштеги, указанные другим хозяйствующим субъектом, для нахождения своего продукта. Таким образом, осуществляя, например, поиск продукта «Dolce & Gabana», потребитель попадает на страницу другого производителя, но уже не оригинального товара, который воспользовался хэштегом, действительного производителя оригинального товара, «Dolce & Gabana_Original», для увеличения количества просмотров своего интернет-ресурса.

Такие действия теоретически могут рассматриваться на предмет нарушения антимонопольного законодательства в части введения в заблуждение относительно качества, свойств товара, места происхождения, а также производителя. Фактически хозяйствующий субъект — производитель неоригинального товара паразитирует на узнаваемости своего конкурента путем использования хэштега, по которому потребители осуществляют поиск нужного им товара. Указанное действие производителя неоригинального товара может рассматриваться в качестве одного из поводов совершенствования механизмов борьбы с недобросовестной конкуренцией. В настоящее время правовой режим хэштега не определен, а сами «метки» не пользуются правовой охраной.

Предлагается обратить внимание на следующие проблемы, решение которых будет способствовать развитию цифровой экономики.

1. Определить, как трактовать финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле

Такие явления цифровой экономики, как криптовалюты, блокчейн, смарт-контракты на сегодняшний день не имеют какого-то четкого правового регулирования. У многих пользователей нет ясного представления о том, регулируется ли правом организация майнинга, подлежит ли налогообложению блокчейн, как используются их персональные данные, которые они с легкостью размещают в интернет-пространстве. Правовой статус смарт-контрактов также абсолютно не определен. С учетом широкого распространения данных явлений и повышенного интереса к ним граждан необходимо в ближайшее время разрешить указанные вопросы для устранения правовой неопределенности, ввести ряд новых понятий в законодательные акты.

2. Правовое регулирование «Больших данных»

В цифровую эпоху данные (информация, сведения, базы данных, информационные активы) являются ключевым объектом фор-

мирующихся правоотношений. Российское законодательство выделяет категории информации, доступ к которой ограничен в силу ее особой ценности (государственная тайна, коммерческая тайна, банковская тайна, врачебная тайна, личная тайна и т.д.), однако этого регулирования недостаточно, когда мы говорим о роли информации в эпоху цифровой экономики. Данные сегодня являются дорогостоящим активом за счет своей альтернативной стоимости, которая возрастает с появлением новых проектов, сфер их применения. Информационные технологии предоставляют безграничные возможности получения и использования информации, что следует учитывать при оценке реальной угрозы нарушения конфиденциальности. При этом надо обратить внимание на то, что развитие интеллектуальных технологий обработки огромных массивов данных будет невозможным, если расширять перечень информации ограниченного доступа.

Успешное и законное использование Больших данных в развитой цифровой экономике предполагает разрешение вопроса о правовом режиме обработки массивов данных, формально не относящихся к информации ограниченного доступа, но могущих стать таковыми в результате обработки. Разумным представляется внесение в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» нового понятия «Большие данные», в дальнейшем определить условия применения к ним режима ограниченного доступа и установить обязанности лица, обрабатывающего такую информацию, по обеспечению ее конфиденциальности и сохранности, ответственность за нарушение такой обязанности.

В этой связи необходимо также преодолеть неопределенность правового режима информации как объекта гражданских прав. Так, из ст. 128 ГК РФ указание на информацию как объект гражданских прав было исключено, между тем в п. 1 ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывается, что информация может являться объектом и гражданских, и публичных правоотношений. Также ст. 6 вышеназванного Закона наделяет обладателя информации квазиисключительными правами, в частности правом на использование информации, а также указывает на возможность защиты прав обладателя информации в случае ее незаконного использования. Отметим при этом, что защита предусмотренных ст. 6 Закона прав как таковых, вне связи их, например, с исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, в судебной практике не встречается, что говорит о недостаточной проработке и конкретизации данных правомочий, их правовой сущности и особенностей их защиты.

Неопределенность относительно правового режима информации как объекта гражданских прав вносят также положения ст. 10 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», указывающие на существование и возможность ограничения права собственности на информацию. Как известно, право собственности может быть ограничено только в отношении материального носителя информации, а не на саму информацию (сведения). Указанные терминологические и сущностные расхождения препятствуют эффективному применению информационного законодательства, а также создают неопределенность правового режима информации как объекта гражданских прав.

Также стоит отметить и несовершенство законодательства о защите персональных данных в части недостаточно четкого указания в ст. 6 Федерального закона «О защите персональных данных» на те случаи, когда разрешение на обработку персональных данных получать не требуется. Обтекаемость формулировок в статье приводит к тому, что практика получения согласия на обработку персональных данных в случаях, когда этого не требуется, стала повсеместной. Это, в свою очередь, размывает существующий режим защиты персональных данных, превращая институт получения согласия на их обработку в глазах обладателя персональных данных в ничего не значащую формальность.

3. Правовое регулирование криптовалюты и майнинга

Необходимо решить вопрос о правовом режиме криптовалюты. Валюта это или товар, средство платежа или обмена? До тех пор, пока указанные вопросы не будут решены, в правоприменении повсеместно будут возникать проблемы.

Под майнингом следует понимать процесс решения криптографических головоломок с использованием вычислительных мощностей компьютера или специализированных устройств с целью обслуживания сети Bitcoin. С помощью майнинга осуществляются про-

цессинг транзакций, эмиссия новых монет в сети Bitcoin, а также достигается децентрализованность и защищенность сети от внешних атак.

Одним из основных вопросов правоприменения является вопрос налогообложения. В различных юрисдикциях выработан разный подход к решению обозначенной ситуации. В ноябре 2015 г. Европейский суд (European Court of Justice) вынес решение, согласно которому Bitcoin необходимо считать именно валютой (средством платежа), а не товаром, по крайней мере с точки зрения налогообложения. Таким образом, операции по купле и продаже Bitcoin за традиционные фиатные валюты не должны облагаться налогом на добавленную стоимость. В Норвегии, Финляндии и Германии криптовалюта облагается налогом на прирост капитала и налогом на роскошь. В Болгарии цифровая валюта рассматривается как финансовый инструмент и облагается соответствующими налогами. В Австрии криптовалюта рассматривается налоговыми органами в качестве нематериального актива, а ее майнинг — как операционная деятельность. В США криптовалюты считаются собственностью, операции с которой облагаются налогом. Необходимо определиться, по какому пути должно пойти российское право.

В этой связи также необходимо определиться и с правовым режимом процесса ICO (initial coin offering). ICO — это процедура выпуска криптовалюты, продавая которую лицо получает дополнительные средства. В этой части выпуск криптовалюты в рамках ICO сходен с выпуском облигаций, но в отличие от облигаций криптовалюта, выпущенная компанией или индивидуальным предпринимателем, никаких имущественных прав требования к выпустившему не предполагает, поскольку существует определенный правовой вакуум в этой области. Данный правовой вакуум можно преодолеть законодательно — урегулировав ICO по примеру выпуска ценных бумаг либо же урегулировав его на уровне правоприменительной практики, например, рассматривая выпуск криптовалюты с публичным предложением как своеобразный способ заключения договора займа.

4. Определить, необходимо ли государственное регулирование криптовалютной деятельности

Государственное регулирование, например путем лицензирования, позволит контролировать новый рынок, в определенной мере обеспечить его безопасность и качество услуг для потребителей. Но в то же время существуют опасения, что:

а) в силу специфики товара традиционное регулирование может оказаться неэффективным, а значит, формальным на практике;
б) излишнее регулирование способно замедлить рост технологичных компаний и развитие инноваций.

Во многих юрисдикциях (например, в Австралии) государственного лицензирования криптовалютной деятельности не существует именно по указанным причинам.

5. Противодействие легализации денежных средств, полученных преступным путем

Общеизвестный факт, что криптовалюта широко использовалась на рынках «теневого Интернета», в частности, в сделках купли-продажи изъятых из оборота или ограниченных в обороте вещей (наркотических средств, оружия), совершения незаконных операций (продажа человеческих органов, образов банковских карт, используемых для хищения средств со счетов их владельцев, и т.д.). В настоящее время в связи с широким распространением криптовалют представляется необходимым внести изменения в законодательство в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, которые учитывали бы возможность использования цифровых валют с целью совершения этих преступлений.

6. Защита интересов представителей криптовалютного бизнеса:

1) в целях представления и защиты интересов криптовалютного бизнеса необходимо стимулировать создание негосударственной саморегулируемой организации, имеющей поддержку со стороны государства. Такая организация необходима для упорядочивания криптовалютной деятельности. Способы защиты интересов представителей криптовалютного бизнеса активно распространены и в зарубежных правопорядках. Так, например, уже в 2014 г. в Японии была создана Комиссия по цифровым активам Японии (The Japan Authority of Digital Asset), деятельность которой направлена на защиту представителей криптовалютного бизнеса;
2) что касается ***правового режима смарт-контрактов,*** то для успешного функцио-

нирования и внедрения смарт-контрактов в гражданский оборот следует определить их правовую природу: рассматривать смарт-контракт в качестве разновидности договора (тогда будут применяться общие нормы о договоре) или признать, что это только определенная технология (программа для ЭВМ), способствующая реализации воли сторон (в этом случае понадобится введение новых норм, отражающих специфику явления).

7. Использование новых механизмов регулирования отношений, складывающихся в сфере правовой охраны и использования объектов интеллектуальной собственности

В эпоху интенсивного развития информационной инфраструктуры общества и внедрения современных цифровых технологий в сферу экономики существующие способы защиты объектов интеллектуальной собственности, основанные преимущественно на использовании правовых средств запретительного характера, утрачивают свою эффективность. Эта утрата связана главным образом с постоянным усложнением действий правообладателей, направленных на пресечение противоправного использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в информационно-телекоммуникационных системах. Иными словами, правообладателю становится практически невозможно не столько юридически, сколько технологически обеспечить функционирование негативной стороны исключительного права, т.е. практически реализовать право на запрет, предоставленное ему по закону.

В этой связи на первый план выходят так называемые инклюзивные механизмы регулирования, в основу которых положены иные, по сравнению с юридической монополией, правовые средства, с помощью которых устраняется или ограничивается эффект эксклюзивности, присущий действующим моделям правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности[3]. Указанные механизмы широко используются в ряде зарубежных стран, чья экономика или ее отдельные сегменты опираются на развитый технологический уклад. Так, в предметной сфере интеллектуальной собственности получили признание современные юридические модели правового регулирования, в основу которых положено использование:

— системы лицензий Creative Commons;
— системы свободного программного обеспечения;
— системы альтернативной компенсации;
— принудительного лицензирования;
— режима общественного достояния.

Система лицензий Creative Commons представляет собой группу специально разработанных одноименной зарубежной некоммерческой организацией безотзывных неисключительных лицензий, в которых формулируются условия использования того либо иного охраняемого произведения. Указанные лицензии позволяют правообладателю передать некоторые из принадлежащих ему авторских правомочий и корреспондирующих им обязанностей общественности, представленной неограниченным кругом лиц.

Под свободным программным обеспечением обычно понимается разновидность программ для ЭВМ, право использования которых по лицензионному договору включает ряд специальных правомочий лицензиата, например право использовать программу для ЭВМ в любых, не запрещенных законом целях, право получать доступ к исходным текстам программы как в целях изучения и адаптации, так и в целях переработки программы для ЭВМ, право вносить изменения в программу для ЭВМ и распространять экземпляры измененной программы.

Система альтернативной компенсации направлена на легализацию свободного использования объектов авторских и смежных прав в сети Интернет. Указанное использование сопровождается выплатой правообладателю денежной компенсации за выпавшие вследствие свободного использования доходы, размер которой устанавливается в зависимости от разновидностей охраняемых объектов и способов их использования.

Институт принудительного лицензирования призван к смягчению существующего дисбаланса в технической и технологической

---

[3] Подробнее об инклюзивных механизмах регулирования авторских отношений см.: *Будник Р. А.* Инклюзивное право автора: цивилистическая концепция. М. : Юрлитинформ, 2017.

[4] О роли принудительного лицензирования в инновационном развитии см.: *Иванов А. Ю.* Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5.

[1] Речь идет о судебном и ведомственном контролях.

областях, который характерен для действующей модели регулирования, основанной на использовании юридической монополии. Указанный институт направлен как на ограничение эксклюзивности юридической монополии, так и на стимулирование технических и технологических инноваций[4].

Режим общественного достояния (Public domain) применяется к некоторым результатам интеллектуальной деятельности, имеющим информационную природу, в отношении которых законом не устанавливалось исключительное имущественное право на их использование или истек установленный законом срок его действия.

В настоящее время перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, в отношении которых установлена презумпция их перехода из режима юридической монополии (исключительного права) в режим общественного достояния, определен нормами новейшего российского законодательства об интеллектуальной собственности. К таким результатам в соответствии с действующими правилами ГК РФ относятся: произведения (ст. 1282), исполнения (ст. 1318), фонограммы (ст. 1327), сообщения радио- или телепередач (ст. 1331), изобретения, полезные модели и промышленные образцы (ст. 1364), селекционные достижения (ст. 1425), топологии интегральных микросхем (ст. 1457)[5].

Дальнейшее конструктивное развитие и гармонизация с отечественным законодательством показанных выше инклюзивных моделей, с помощью которых ограничивается либо устраняется юридическая монополия на использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, как представляется, необходимы и будут востребованы в условиях развития цифрового сегмента отечественной экономики.

8. Совершенствование системы правового регулирования информационного посредничества

Российская модель института информационных посредников, установленная правилами ст. 1253.1 ГК РФ, является продуктом развития информационно-телекоммуникационных технологий, применение которых на современном этапе их функционирования порождает юридические сложности при использовании охраняемых результатов интеллектуальной деятельности посредством размещения их оригиналов или копий, выраженных в электронной форме, в сети Интернет. Указанные сложности вызваны главным образом объективным в современных условиях отходом от классического механизма использования результата интеллектуальной деятельности третьими лицами, основанного на договоре, заключенном между правообладателем и пользователем. Отсутствие договора и доступность нелегального в этом смысле контента являются основными причинами процветания пиратства при использовании объектов интеллектуальной собственности, для которых возможна и характерна цифровая форма объективации, а равно современные способы их обнародования. Основной идеей легитимации фигуры информационного посредника в законодательстве об интеллектуальной собственности является стремление законодателя обособить указанную фигуру и освободить ее от гражданско-правовой ответственности в случае занятия ею нейтральной позиции при совершении действий, нарушающих права правообладателей в процессе использования охраняемого результата интеллектуальной деятельности в информационно-телекоммуникационной сети и активной позиции при пресечении такого нарушения[6].

Нормы об информационных посредниках в содержательном плане включают в себя ряд принципиальных и не известных ранее действовавшему российскому законодательству об интеллектуальной собственности положений, порожденных прежде всего современными темпами и спецификой развития информационно-телекоммуникационных технологий как в нашей стране, так и за рубежом. Вместе с тем эти положения, как представляется, не в полной мере отражают реальную ситуацию в сфере деятельности информационных посредников, которая оказывается сложнее и разнообразнее, чем та, которую представлял себе законодатель, формулируя соответствующие нормы. А это обстоятельство сказывается прежде всего на

[5] Об особенностях перехода результатов интеллектуальной деятельности в режим общественного достояния см.: *Городов О. А.* Особенности перехода результатов интеллектуальной деятельности в режим общественного достояния // Правоведение. 2017. № 3.

[6] См. *Городов О. А.* Ответственность информационных посредников // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2017. № 7.

правоприменительной практике, продуцируемой юрисдикционными органами при разрешении судебных споров. О каких положениях идет речь? Прежде всего о положениях, регулирующих отношения, складывающиеся в связи с определением круга информационных посредников и основаниями освобождения последних от гражданско-правовой ответственности.

Стремление приобщиться к категории информационных посредников путем демонстрации признаков сходства с ними и добиться соответствующей легитимации зачастую демонстрируют участники гражданско-правовых споров в делах о нарушении исключительных прав в сети Интернет. Этому благоприятствуют и установленные законодателем весьма расплывчатые критерии, с помощью которых осуществляется квалификация того либо иного субъекта как информационного посредника.

Проблема выработки критериев для выделения информационных посредников из числа широкого круга субъектов, участвующих в информационном обмене, в настоящее время окончательно не решена, несмотря на усилия, предпринимаемые как практикующими специалистами, так и представителями научного сообщества.

Правила, регулирующие отношения в сфере информационного посредничества, требуют существенной переработки, которая должна, на наш взгляд, решить следующие проблемы:

— установить детальный (а не размытый) перечень информационных посредников, способных в процессе своей деятельности выступать в роли нарушителей интеллектуальных прав (прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации);
— определить дифференцированный по лицам, по объектам и по характеру нарушенных прав перечень необходимых и достаточных мер, которые обязан принять информационный посредник для прекращения нарушения интеллектуальных прав третьими лицами;
— обеспечить адекватное правовое регулирование отношений, складывающихся в связи с «оборотом» в информационно-телекоммуникационных сетях с участием информационных посредников не только объектов авторских и смежных прав, но и других объектов интеллектуальной собственности;
— обеспечить гармонизацию правил об информационных посредниках, закрепленных в части четвертой ГК РФ, с правилами, регулирующими отношения с участием других групп информационных посредников, в том числе агрегаторов товаров (услуг), которые содержатся в иных федеральных законах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Будник Р. А.* Инклюзивное право автора. Цивилистическая концепция. — М. : Юрлитинформ, 2017.
2. *Иванов А. Ю.* Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. — 2017. — № 5.
3. *Городов О. А.* Об особенностях перехода результатов интеллектуальной деятельности в режим общественного достояния // Правоведение. — 2017. — № 3.
4. *Городов О. А.* Ответственность информационных посредников // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2017. — № 7.

У. Ш. Брой*

БЛОКЧЕЙН И КИБЕРВАЛЮТЫ: НУЖНА ЛИ НОВАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА?

Аннотация. Цифровая экономика, и блокчейн-технологии в особенности, открывают для законодательных органов и регуляторов интересные новые сферы деятельности. Представители правительственных организаций порой ошибочно рассматривают блокчейн-приложения преимущественно в качестве технологии, лежащей в основе криптовалют, тогда как данная технология может иметь гораздо более широкое использование — как способ безопасного децентрализованного хранения данных. Хранение данных в глобальных сетях затрудняет возможность регулирования блокчейн-приложений, так как они не находятся в сфере влияния конкретной юрисдикции. Кроме того, блокчейн-приложения обеспечивают высокий уровень анонимности заинтересованных сторон. В будущем искусственный интеллект сможет оптимизировать приложения и инициировать решения автоматически, что станет серьезной проблемой для регуляторов в сфере конкуренции и антимонопольного права, поскольку будет сложно идентифицировать юридические лица, несущие ответственность за предпринятые действия. Помимо создания соответствующего режима регулирования, учитывая проблемы блокчейн-технологий, автор выступает за необходимость активного саморегулирования участников цифрового рыночного пространства.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюты, антимонопольное право, конкурентное право.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.013-020

Введение

Стремительные изменения в мире цифровых технологий оказывают устойчивое влияние на экономику, законодательство, торговлю, а также отношения между людьми и обществом в целом. Применение блокчейнов становится особенно заметным главным образом благодаря широкому обсуждению в прессе биткойна — лидирующего на сегодняшний день применения блокчейн-приложения. По сути, блокчейн — это алгоритм с децентрализованным хранилищем данных, где отсутствует централизованное администрирование. Программное обеспечение большинства блокчейнов имеет открытый исходный код и сохраняет журнал всех проведенных операций, включая общедоступные файлы — таким образом, небольшие блоки информации присутствуют на каждом компьютере в составе сети.

Децентрализация и анонимность блокчейн-приложений затрудняют определение соответствующей юрисдикции. Как следует из публикации в «Harvard Business Review» в начале 2017 г.[1], повышение ценности и значимости многих блокчейн-приложений в будущем потребует тесного взаимодействия и сотрудничества многочисленных участников системы. Все участники процесса на всех уровнях должны будут принять единую платформу и следовать единой процедуре, что приведет к созданию консорциума отрасли. Децентрализованный характер блокчейнов затрудняет определение соответствующей юрисдикции. В традиционном законодательстве в отсутствие каких-либо иных соглашений споры в отношении блокчейнов обычно подлежат урегулированию в государственных судах, однако структура блокчейнов сама по себе создает для судов практически неразрешимые сложности. Признавая, что мы наблюдаем лишь начало развития новых рынков, счита-

© Брой У. Ш.

* Брой У. Штефан,
профессор, сертифицированный фидуциар с федеральным дипломом о высшем образовании, президент Университета им. Иоганна Генриха Песталоцци (Флорида, США), генеральный секретарь Швейцарского Центра международного гуманитарного права, доктор делового администрирования

[1] *Iansiti M., Karim R. Lakhani.* The Truth About Blockchain // Harvard Business Review. January/February 2017. URL: https://hbr.org/2017/01/the-truth-about-blockchain.

ем полезным начать обсуждение необходимых шагов по адаптации законодательства и политики соответствия на международном уровне уже на данном этапе. Учитывая приведенные сценарии, автор статьи предлагает начать обсуждение возможных противоречий между создателями и участниками блокчейн-приложений, с одной стороны, и законодателями и регулирующими органами, с другой стороны.

Кратко о технологии блокчейн

За последние годы блокчейн становится все более заметным. Он представляет собой алгоритм с децентрализованным хранилищем данных без центрального администратора, где участникам ничего не известно друг о друге. Блокчейн широко известен в качестве базовой технологии ведущей криптовалюты — биткойна, и в основном понимается как технология распределенного реестра, широко используемая на сегодняшний день. Впервые понятие биткойна и соответсвующая блокчейн-технология были представлены Сатоши Накамото в статье «Биткойн: электронная пиринговая денежная система»[2].

Программное обеспечение для криптовалют имеет открытый исходный код и поддерживает журнал всех операций, проведенных в общедоступных файлах. Записи всех операций хранятся в составе реестра, однако не полностью, а в виде небольших блоков со ссылками на другие блоки на всех компьютерах по всему миру. Компьютеры объединены между собой и защищены посредством криптографических методов. Так, изменение любого блока влечет за собой последовательное изменение всех соответствующих блоков, что обеспечивает устойчивость, эффективность системы и возможность ее верификации. Таким образом, каждая транзакция и ее идентификация проверяются как минимум тремя сторонами, участвующими в поддержании работы системы и «майнинге» новых блоков информации, содержащих данные по фактической транзакции. Решая математические задачи, предъявленные системой, блоки добавляются к существующему блокчейну — таким образом, доступ к данным имеют все участники системы. Если транзакцию невозможно верифицировать (подтвердить) в рамках существующего блокчейна, интеграция новых блоков не происходит — таким образом обеспечивается целостность системы.

Технология распределенных реестров описана как потенциально безопасное и эффективное решение для различного применения[3]. Также широко ожидается, что в будущем блокчейны позволят отслеживать целостность и происхождение и других специальных продуктов, таких как, например, фармацевтические препараты, алмазы или морепродукты. Также блокчейны приведут к изменению способа обмена данными и дадут возможность проводить глобальные операции в различных областях, включая финансовые услуги. Помимо публичных блокчейнов (например, в основе биткойна) существуют и новые применения, такие как блокчейн-консорциумы, при которых процесс соглашения (консенсус) ограничивается предопределенными узлами блокчейна (участниками и членами консорциумов).

Доступ к блокчейну может быть публичным или ограниченным, а также гибридным. В полностью частном блокчейне разрешение на запись хранится в одной организации, однако возможно общедоступное разрешение на чтение, хотя оно может быть предоставлено только некоторым участникам блокчейна. В отличие от публичных блокчейнов в консорциумах или частных блокчейнах правила и записи в реестре могут быть легко изменены, вплоть до отката процессов назад. Однако создание единого центра, способного контролировать блокчейн и изменять алгоритм, особенно в свете обсуждаемых здесь сложностей, может решить проблему определения ответственного юридического лица и принятия юридических мер против него. Это значительно отличается от технологии распределенного реестра, когда трудно установить такое юридическое лицо.

---

[2] *Nakamoto Satoshi.* A Peer-to-Peer Electronic Cash System // URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (November, 2008).

[3] *Plant R.* Can Blockchain Fix What Ails Electronic Medical Records? // Wall Street Journal. 27.04.2017. URL: https://blogs.wsj.com/experts/2017/04/27/can-blockchain-fix-what-ails-electronic-medical-records/ ; *Popper N., Lohr S.* Blockchain, A Better Way to Track Pork Chops, Bonds, Bad Peanut Butter? // New York Times. 04.03.2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/03/04/business/dealbook/blockchain-ibm-bitcoin.html ; *Rachel A.* From Farm To Finished Garment: Blockchain Is Aiding This Fashion Collection With Transparency // Forbes. 10.05.2017. URL: https://www.forbes.com/sites/rachelarthur/2017/05/10/garment-blockchain-fashion-transparency/#4975681774f3.

Определение юрисдикции

Блокчейн изменит способы защиты и обмена данными и возможность проводить операции на глобальном уровне в различных областях, включая финансовые услуги. Свойственная блокчейнам децентрализация затрудняет определение соответствующей юрисдикции. В традиционном законодательстве, в отсутствие какого-либо соглашения об ином, споры в отношении блокчейнов, как правило, подлежат урегулированию в государственных судах, однако структура блокчейнов сама по себе создает для таких судов практически неразрешимые сложности.

Блокчейн-приложения позволят осуществлять бизнес-операции абсолютно независимо от физического местонахождения вовлеченных юридических лиц. Таким образом, участники блокчейна могут действовать в разных юрисдикциях, администратор (если таковой имеется) — в какой-либо третьей стране, а провайдеры данных вообще могут находиться в совершенно другой юрисдикции. Аналогичная проблема с определением применимого права существует при трансграничных сделках, что создает новые сложности для регуляторов, такие как децентрализованное хранение данных в крупных компьютерных сетях, анонимность участников и обмен неопределенными ценностями, когда нет уверенности, что данные «товары» учтены в Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров.

Поскольку суды и государства сталкиваются со значительными сложностями в работе с такими сценариями нового типа, важную роль будет играть саморегулирование участников рынка. Видом саморегулирования, ориентированного на потребителя, может быть урегулирование споров в арбитражном суде; арбитражные процессы также могут быть адаптированы индивидуально под участников конкретного блокчейн-приложения. Биткойн и его базовая технология — блокчейн — уже способствуют созданию экономики наднационального типа, при которой классическая идея юридического лица несостоятельна[4], тогда как наднациональное законодательство не приспособлено к решению новых проблем.

Еще одно мнение по проблеме юрисдикции заключается в следующем: «На простом уровне каждая транзакция потенциально подпадает под общую законодательную базу места локации узла, будь то в отношении финансовых услуг или защиты данных»[5]. При этом автор констатирует, что в этом случае блокчейны должны быть совместимы с потенциально несоразмерным количеством правовых и нормативных режимов.

Учитывая вышесказанное, локус соответствующего «закона» может быть неочевиден, поскольку операции могут происходить одновременно в нескольких местах, что опять же делает определение компетентной юрисдикции практически невозможным. Неразрешенные вопросы относительно компетенции юрисдикций в условиях новых вызовов новой цифровой экономики также вскоре станут предметом рассмотрения антимонопольного и конкурентного права, поскольку технология блокчейн и соответствующая архитектура будут охватывать новые сферы, оказывая значительное влияние на повседневную жизнь.

Законодательные и регулирующие подходы

Чтобы воспользоваться потенциалом в полной мере, необходимо тесное сотрудничество и взаимодействие между заинтересованными сторонами в распределенном реестре, блокчейн-консорциуме и частных блокчейнах. Блокчейны — это унифицированные платформы с унифицированными процессами для поддержания структуры. Следует обратить внимание на то, что вся информация, разделяемая заинтересованными сторонами, должна лишь помочь консорциумам в достижении законных целей, ни в коей мере не нарушая законы и правила конкуренции. В будущем искусственный интеллект поможет открыть совершенно новую область, поскольку блокчейны начнут независимо оптимизировать цены и прибыль, используя данные, хранящиеся в журнале и автоматически инициировать решения и действия.

С точки зрения государственного законодательства очень сложно реализовать правила, которые должны соблюдаться в системе, не входящей в сферу его влияния и действия. Автономная система, поддерживаемая и управ-

---

[4] *Starodubcev D.* Bitcoin created a supranational economy // CoinFox.info. 17.03.2016. URL: http://www.coinfox.info/news/persons/5109-dima-starodubcev-bitcoin-created-supranational-economy.

[5] *Brandman G., Thampapillai S.* Blockchain — Considering the Regulatory Horizon // University of Oxford, Faculty of Law, Business Law Blog. URL: https://www.law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2016/07/blockchain-–considering-regulatory-horizon.

ляемая самими пользователями, в отношении которых ни одна государственная организация не обладает влиянием и контролем, может положить начало наднациональной экономике, при ней же концепция юридического лица в классическом понимании представляется полностью несостоятельной.

В условиях новой цифровой экономики у участников нет технической необходимости объединяться в рамках конкретной юрисдикции. Высокая степень их анонимности в блокчейне также является проблемой для законодательства. К примеру, до сих пор не известно, какой индивид или группа стоит за «Накамото Сатоши», представившим общественности первую концепцию биткойна в 2008 г.

Саморегулирование в Швейцарии

Принимая во внимание сложности, связанные с регулированием блокчейн-приложений и криптовалют, можно утверждать, что важную роль будет играть саморегулирование участников рынка. В январе 2018 г. Швейцарская ассоциация «Crypto Valley Association» (CVA) опубликовала Кодекс поведения ICO для Швейцарии, в котором были рассмотрены следующие аспекты:

A. Деловая этика

Члены осуществляют деятельность ответственным и прозрачным образом и не предпринимают действия, которые способны потенциально или фактически нанести ущерб имиджу и интересам ассоциации CVA и ее экосистемам. Члены неизменно соблюдают Кодекс и сверх того — применимые законы и правила.

B. Многообразие и инклюзия

В рабочей среде члены не допускают дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, религии, возраста, национальной принадлежности или ограниченных возможностей.

C. Книги и записи

Члены честно и должным образом обеспечивают операционную и финансовую отчетность, а также надлежащую систему для записи деловых файлов. Члены уведомляют ассоциацию CVA о любых изменениях адреса, электронной почты, номера мобильного телефона и доменного имени.

D. Права собственности

Члены уважают права собственности других лиц, такие как права на интеллектуальную собственность, торговые марки или авторские права, связанные с любым бизнесом, ассоциированным с CVA.

E. Управление и конфликт интересов

В своих организациях члены осуществляют политику управления, обеспечивающую надлежащую работу и контроль и исключающую (потенциальные) ситуации конфликта интересов.

F. Искреннее и честное общение

Члены берут на себя ответственность за полную, точную, своевременную и понятную коммуникацию. В соответствии с обязательствами по конфиденциальности членам рекомендуется сообщать о любых случаях ненадлежащего управления, коррупции, незаконных действий, правонарушений, инцидентах и любых других серьезных нарушениях правил CVA, а также национальных или местных законов в Совет директоров CVA.

G. Нарушения и дисциплинарные меры

Члены признают, что нарушение Кодекса может повлечь дисциплинарные меры в виде письменного предупреждения, информирования и/или запросов на устранение нарушения, в зависимости от характера и степени нарушения — вплоть до исключения из CVA в случае серьезных нарушений. Члены всегда имеют право быть услышанными, а необходимые расходы несет нарушитель в соответствии с назначенной дисциплинарной мерой.

H. Сделки

Члены производят оплату по сделкам на основании принципа «вытянутой руки»; следовательно, любые сборы, зарплаты или ценовые надбавки на издержки плюс прибыль должны быть сопоставимы со сделками третьих сторон.

Регулирование на уровне Правительства: Гибралтар

Пример саморегулирования участников рынка: в октябре 2017 г. Правительство Гибралтара (на уровне Комиссии Гибралтара по финансовым услугам) одним из первых опубликовало Нормативную базу по технологиям распределенного реестра (Ledger Technology Regulatory Framework).

1. Обязанность DLT-провайдера — честность и этичность управления бизнесом.

Комиссия Гибралтара по финансовым услугам (GFSC) должна признавать, что заявитель, включая всех ассоциированных лиц, соответствует требованиям и способен надлежащим образом осуществлять DLT-операции. Основные критерии оценки следующие:

— честность, этичность и репутация;

— навыки, компетенции, ответственность и опыт; а также
— финансовое положение.

2. DLT-провайдер обязан уделять должное внимание интересам и потребностям всех клиентов и каждого в отдельности, а также коммуницировать с ними честно и открыто, исключая недопонимание/введение в заблуждение.

DLT-провайдерам необходимо уделять столько же времени и внимания защите интересов потребителей, как и своих собственных, а также выделять достаточное количество ресурсов для защиты потребителей. Необходимо прилагать максимальные усилия для снижения рисков в связи с использованием DLT и применять наилучшие практики управления бизнесом. DLT-провайдеры обязаны раскрывать необходимую информацию о следующем:
— использовании DLT в своем бизнесе;
— рисках в связи с данной технологией и ее использованием компанией; а также
— поставляемых продуктах и услугах, и соответствующих рисках.

DLT-провайдеры должны предупреждать о рисках, условиях и положениях на начальном этапе и в рамках каждой сделки, следовать стандартам этики рекламы и маркетинга. Также они обязаны обеспечивать надлежащую политику по рассмотрению жалоб и раскрытию данных, быть в состоянии разрешать ситуации, связанные с конфликтом интересов, и раскрывать информацию о них. Информация должна предоставляться DLT-провайдерами таким образом, чтобы она была понятна целевому клиенту, а важные моменты, утверждения или предупреждения не были завуалированы, не преуменьшались и были однозначны для понимания.

3. DLT-провайдер обязан поддерживать уровень необходимых финансовых и нефинансовых ресурсов.

Предполагается, что DLT-провайдеры располагают достаточным объемом финансовых ресурсов, используемых надежным и безопасным образом. Необходимо контролировать объем капитала, чтобы обеспечить необходимый уровень для достижения бизнес-целей. Уровень капитала должен быть соразмерен пруденциальным рискам. DLT-провайдеры должны как минимум располагать достаточным капиталом для гарантии упорядоченности и платежеспособности в случае свертывания бизнеса. Когда это целесообразно, DLT-провайдеры должны обеспечивать профессиональное страхование возмещения ущерба. В связи с этим во внимание будут приниматься следующие аспекты:
— соразмерность финансовых ресурсов;
— устойчивость бизнес-модели;
— ведение и поддержание книг и записей; а также
— стандарты аудита и отчетности.

Что касается нефинансовых ресурсов, то DLT-провайдеры при осуществлении своих функций должны гарантировать соответствие требованиям, установленным GFSC.

4. DLT-провайдер обязан эффективно управлять своим бизнесом и контролировать его, вести деятельность с должным умением, вниманием и усердием, в том числе уделять необходимое внимание возможным рискам для своего бизнеса и клиентов.

От DLT-провайдеров ожидаются качественные, перспективные методы управления рисками. Это поможет обеспечить уверенность всех заинтересованных сторон в том, что ключевые процессы и системы эффективно контролируются, соответствуют поставленным целям, а риски управляются должным образом. Эффективные методы управления рисками позволят DLT-провайдерам своевременно реагировать на риски и обеспечивать контроль, снижая вероятность возникновения значительных рисков, которые не были выявлены и устранены ранее.

5. DLT-провайдер должен располагать эффективными механизмами защиты активов и денежных средств клиента в случаях, когда он несет за них ответственность.

Предполагается, что DLT-провайдеры предпринимают все разумные меры предосторожности для защиты активов клиентов, находящихся в их ве́дении и под их контролем, от непредвиденных обстоятельств и угроз. Активы, находящиеся на хранении, должны быть четко отделены от собственных активов DLT-провайдера. DLT-компании должны обеспечить всеобъемлющий и точный учет всех сделок.

6. DLT-провайдер обязан располагать эффективной практикой корпоративного управления.

DLT-провайдеры должны обеспечивать надлежащее корпоративное управление. Это имеет решающее значение, так как позволяет создать систему управления предприятиями и мониторинга бизнеса, включая структуру, процессы, культуру и стратегию. Соответственно, будут установлены правила реали-

зации полномочий, а также принятия и внедрения решений для устранения любых типов рисков и негативных факторов.

DLT-провайдеры должны внедрять и поддерживать корпоративную культуру в соответствии с безопасной и конфиденциальной реализацией таких принципов. Их взаимоотношения с GFSC и другими регуляторами должны быть построены на основе открытости, сотрудничества и прозрачности, также должна раскрываться любая информация, о которой регулятор обоснованно ожидает уведомления. Во внимание будут приняты:

— структура управляющего совета (включая его состав) для поддержания баланса и сочетания комплементарых навыков на благо бизнеса;
— надлежащее применение «принципа четырех глаз»; а также
— установление Гибралтара в качестве центра принятия решений.

7. DLT-провайдер должен обеспечить поддержку всех систем и протоколов защищенного доступа, в соответствии с соответствующими высокими стандартами.

Все используемые системы должны гарантировать должный уровень доступа к ответственному персоналу с современными системами мониторинга. Необходима проактивная оценка безопасности DLT-технологий на регулярной основе, чтобы быть в курсе любых новых угроз и потенциальных уязвимостей, а именно:

— оценка рисков приложений, базовых технологий в их основе и кибербезопасности;
— разработка политики, процедур и методов контроля для реализации этого принципа;
— квалифицированный и опытный персонал;
— непрерывный анализ и оценка уязвимостей и угроз;
— постоянный мониторинг и меры реагирования; а также
— независимый аудит соответствия и отчетность.

8. DLT-провайдер должен обладать системами предотвращения, выявления и раскрытия рисков финансовых преступлений, таких как отмывание денег и финансирование терроризма.

DLT-провайдеры должны надлежащим образом применять меры по борьбе с отмыванием денег и по противодействию терроризму, соизмеримые с собственными рисками, и сообщать о подозрительных транзакциях. DLT-провайдеры должны быть осведомлены об уязвимостях своих продуктов и услуг для преступлений финансового характера и обеспечивать меры по снижению подобных рисков. DLT-провайдеры должны соблюдать Закон о противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, и следовать всем инструкциям GFSC.

9. DLT-провайдер обязан быть жизнеспособным и разрабатывать план действий на случай экстренных обстоятельств для гарантии упорядоченности и платежеспособности в случае свертывания бизнеса.

DLT-провайдеры обязаны разрабатывать, тестировать и поддерживать соответствующие планы непрерывности бизнес-операций, аварийного восстановления и кризисного управления. Готовность к любым потенциальным угрозам или ущербу должна входить в план аварийного восстановления наряду с хорошо контролируемым и структурированным процессом управления непрерывностью бизнес-операций. Тестирование планов и внутренних процессов также должно быть частью бизнес-модели.

Однако такие действия можно рассматривать исключительно как подход «мягкого регулирования», поскольку установить более жесткий режим в понимании традиционного регулирования рынков крайне сложно — главным образом потому, что концепция юридических лиц практически несостоятельна в применении к блокчейн-приложениям. Все юридические лица, которые могут быть определены как таковые, являются исключительно «гейткиперами» базового блокчейна, существующего в виртуальном виде.

Как упоминалось выше, относительно потенциала блокчейнов на сегодняшний день можно лишь строить прогнозы. Поскольку все данные, хранящиеся в распределенном реестре, не могут быть повреждены, с криптографической точки зрения они верифицированы. Леанн Кемп (Leanne Kemp), Генеральный директор Everledger, написала в отчете «IBM Institute for Business Value»: «В своей сути блокчейн — это распределенный реестр, который позволяет участникам бизнес-сети осуществлять сделки с активами, в котором каждый участник может контролировать, однако никто не обладает абсолютным контролем»[6]. Проверенные каналы поставок будут

[6] IBM Institute for Business Value. Forward Together: Three ways blockchain Explorers chart a new direction. Global C-suite Study. 19th ed. // URL: https://www-01.ibm.com/common/ssi/cgi-bin/ssialias?htmlfid=GBE03835USEN.

доступны для потребителей, данные о здравоохранении будут управляться через модели блокчейн-консорциумов, а финансовые торговые платформы — посредством блокчейнов. Смарт-контракты облегчат заключение соглашений с использованием технологии блокчейн, а также обеспечат их соблюдение и будут являться гарантией должного выполнения соглашений и безопасного хранения данных. Данная технология упразднит использование промежуточных звеньев и посредников. Государственные услуги будут предоставляться в цифровом виде (например, составление земельного онлайн-реестра, электронное голосование, нотариальные услуги, выдача паспортов, удостоверений личности и лицензий) и будут защищены от несанкционированного доступа, а доступ к личным активам станет безопасным и удобным. В ближайшие годы произойдет значительное развитие технологии блокчейн, что окажет влияние на все аспекты повседневной жизни. Основным вызовом для регуляторов и общества станет растущая асимметрия между блокчейн-индустрией и ее участниками и правовой системой и потребителями . Наблюдаемое стремление правительств различных государств вводить все больше юридических ограничений в Интернете не будет устойчивым[7]. Все положения и ограничения должны учитывать конкретные аспекты блокчейнов и криптовалют, не уменьшая потенциально положительный эффект от экономического роста и инноваций.

Заключение

Блокчейны и кибервалюты создают новые вызовы и перспективы для законодательного регулирования и правоохранения в целом, и в частности для антимонопольного и конкурентного права. Децентрализованная и автономная технология и структура блокчейнов, абсолютная независимость от любых государственных институтов и органов управления представляют собой скрытые сложности для правительств и международных институтов. Блокчейны могут оказаться независимыми от любых правил юрисдикций, основанных на традиционном правовом понимании. Блокчейн-консорциумы с применением искусственного интеллекта выйдут за рамки структуры рынка в текущем виде. Программное обеспечение блокчейнов будет автоматически инициировать решения и действия, без вмешательства их участников.

Подобный сценарий заставит власти стать более проактивными в планировании и методах операционной деятельности. Нужно подчеркнуть необходимость наращивания потенциала, чтобы обеспечить по возможности минимальную асимметрию информации между регуляторами и индустрией. Потребуется поддержка саморегулирования игроков рынка. Наконец, любые положения и стандарты должны координироваться на международном уровне и оставаться гибкими, чтобы обеспечить способность реагировать на развитие таких технологий в любом направлении. Все это потребует непрерывной аналитической деятельности на международном уровне, а также мониторинга эволюции и изменений на рынке.

Технология блокчейн, несомненно, содержит скрытые сложности для законодательных и регулирующих органов, что, безусловно, потребует наращивания потенциала и пересмотра существующих правовых конструкций, с тем чтобы иметь возможность ответить на вызовы завтрашнего дня.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ajinkya M. Tulpule.* Enforcement And Compliance In A Blockchain(ed) World // CPI (Competition Policy International). 01.2017. URL: https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2017/01/CPI-Tulpule.pdf.
2. *Boog Ch., Gottlieb B.* Disputes in the context of blockchain appli-cations // URL: http://www.swlegal.ch/CMSPages/GetFile.aspx?disposition=attachment&nodeguid=9cbbaf0f-8781—431f-8702—6673a2b29ac5 (June 2017, Schellenberg Wittmer, Attorney at Law, Newsletter).

[7] World Trends in Freedom of Expression and Media Development : UNESCO Global Report 2017/2018 // URL: http://www.unesco.de/fileadmin/medien/Dokumente/Kommunikation/EN_WTR_2017_Executive_Summary_web.pdf.

3. *Brandman G., Thampapillai S.* Blockchain — Considering the Regulatory Horizon // URL: https://www.law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2016/07/blockchain–considering-regulatory-horizon (July 2016, University of Oxford, Faculty of Law, Business Law Blog).
4. Crypto Valley Association. Mission and Policy Framework/General Code of Conduct. 01.2018 // URL: https://cryptovalley.swiss/codeofconduct/.
5. Gibraltar Financial Services Commission. Distributed Ledger Technology Regulatory Framework. January 2018 // URL: http://www.gfsc.gi/dlt.
6. *Iansiti M., Lakhani K. R.* The Truth About Blockchain // Harvard Business Abstract. 01.02.2017. URL: https://hbr.org/2017/01/the-truth-about-blockchain.
7. IBM Institute for Business Value. Forward Together: Three ways blockchain Explorers chart a new direction // Global C-suite Study. 19th ed. URL: https://www-01.ibm.com/common/ssi/cgi-bin/ssialias?htmlfid=GBE03835USEN.
8. *Milnes M.* Blockchain : Issue in Competition & Consumer Law. 26.05.2016 // URL: https://www.linkedin.com/pulse/blockchain-issues-competition-consumer-law-michael-milnes.
9. *Nakamoto Satoshi.* A Peer-to-Peer Electronic Cash System // URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (November 2008).
10. *Nixon M.* Bitcoin Foundation seeks legal protection from US currency regulatio // Independent. 30.08.2017 URL: http://www.independent.co.uk/news/business/news/bitcoin-foundation-legal-protection-us-currency-regulation-llew-claasen-cryptocurrency-bitlicence-a7919401.html.
11. *Primavera de F.* We Must Regulate Bitcoin. Problem Is, We Don't Understand It. 03.01.2016 // URL: https://www.wired.com/2016/03/must-understand-bitcoin-regulate/.
12. *Shcherbak S.* How Should Bitcoin Be Regulated? // European Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 7. Is. 1. URL: http://www.ejls.eu/15/183UK.pdf.
13. *Starodubcev D.* Bitcoin created a supranational economy // URL: http://www.coinfox.info/news/persons/5109-dima-starodubcev-bitcoin-created-supranational-economy (17.03.2016. CoinFox.info).
14. World Trends in Freedom of Expression and Media Development : UNESCO Global Report 2017/2018 // URL: http://www.unesco.de/fileadmin/medien/Dokumente/Kommunikation/EN_WTR_2017_Executive_Summary_web.pdf.

Н. В. Макарчук*

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ КАК СПОСОБ МИНИМИЗАЦИИ ВОЗМОЖНЫХ РИСКОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В условиях цифровизации экономики правовое регулирование должно одновременно гарантировать публичные интересы и способствовать развитию частной предпринимательской активности. Создание благоприятного правового режима для возникновения и развития современных технологий, их эффективного использования в экономической деятельности требует снятия существующих правовых запретов, но одновременно и установления новых публично-правовых ограничений в целях недопущения неблагоприятных последствий цифровизации экономики. В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые основания и пределы ограничений права на использование криптовалюты, позволяющие минимизировать некоторые возможные неблагоприятные последствия при переходе на новую модель функционирования рыночной экономики.

Ключевые слова: криптовалюты, блокчейн, биткойн, цифровая экономика, публично-правовые ограничения.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.021-024

Цифровая экономика как новая модель функционирования рыночной экономики предопределяет новые подходы в правовом регулировании экономических процессов. Современные реалии требуют эффективного регулирования всех сфер, которые связаны с цифровизацией экономики, в частности правового регулирования, которое одновременно гарантировало бы публичные интересы и способствовало развитию частной предпринимательской активности. В первую очередь, как отмечается, необходимо создать благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием в цифровой экономике, кроме того, требуется снятие ключевых правовых ограничений[1].

Между тем устранение имеющихся правовых ограничений не должно полностью исключать государственного вмешательства в происходящие процессы цифровизации. Цифровая экономика, основанная на использовании данных в цифровой форме, требует не только устранения имеющихся правовых барьеров, но и установления ряда новых ограничений, обусловленных именно спецификой новой цифровой формы, в целях обеспечения баланса интересов и недопущения определенного противоправного поведения. Поэтому необходимо комплексно исследовать основания и пределы возможных ограничений в использовании основных инструментов цифровой экономики, таких как блокчейн, смарт-контракты, криптовалюты и проч.

При этом необходимо помнить, что основная задача законодателя при установлении ограничений состоит в недопущении использования цифровых технологий в противоправ-

© Макарчук Н. В.

* Макарчук Наталья Владимировна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук

[1] *Вайпан В. А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11.

ных целях и защите добросовестных участников возникающих отношений. Настоящая работа не претендует на исчерпывающее рассмотрение всех теоретических и практических вопросов, связанных с установлением ограничений в правовом регулировании цифровой экономики, учитывая, что этот процесс имеет социально-экономическую и политическую обусловленность и междисциплинарный характер. Поэтому в рамках данной статьи будут рассмотрены лишь некоторые основания и пределы ограничений права на использование криптовалюты, позволяющие минимизировать некоторые возможные риски цифровизации экономики.

Правовой режим криптовалюты в Российской Федерации до настоящего времени не определен. Как указывает К. Никитин, пока нельзя говорить о криптовалюте как о сложившемся правовом институте, имеющем определенный юридический статус[2]. Вероятно, это обусловлено тем, что затруднена возможность государств проявлять себя в новых системах, а важную роль играет саморегулирование участников рынка[3].

До настоящего времени правовое регулирование отношений, связанных с использованием криптовалюты, сводилось к ряду запретов, в частности к запрету на использование ее в качестве денег, и установлению ответственности за нарушение этих запретов. Так, 1 сентября 2017 г. было возбуждено первое в России уголовное дело в отношении троих участников группы, осуществляющих майнинг биткойнов и их продажу в Интернете, по ч. 2 ст. 172 Уголовного кодекса РФ, за незаконную банковскую деятельность, совершенную организованной группой и сопряженную с извлечением дохода в особо крупном размере[4]. Очевидно, что такой подход существенно ограничивает использование криптовалюты. Вместе с тем неоднократно отмечалось, что цифровая валюта может быть эффективным средством оплаты для потребителя (без необходимости открытия банковского счета), поскольку процесс оплаты становится быстрее, удобнее и дешевле[5].

С одной стороны, отсутствие правового регулирования отношений по использованию криптовалюты, существенно тормозит процесс цифровизации экономики, так как идея создания и использования криптовалюты заключалась именно в ускорении всех экономических процессов за счет использования цифрового аналога денежных средств. С другой стороны, использование криптовалюты является во многих случаях причиной нарушений прав граждан, субъектов предпринимательской деятельности и несоблюдения публично-правовых интересов. Как справедливо отмечает В. А. Вайпан, в условиях цифровой экономики особого внимания заслуживает защита прав потребителей, для чего требуются изменение действующих правовых актов и принятие новых в целях обеспечения комплексного регулирования в сфере защиты прав потребителей в условиях цифровой экономики[6].

Данная проблематика установления ограничений или отказа от них требует детального изучения, поскольку специфика правоотношений, возникающих при использовании криптовалюты, не позволяет во многих случаях применять юридические правила, рассчитанные на иные виды правовых отношений. Именно в сфере, где специальных регулятивных норм недостаточно, а применение общих правил становится затруднительным и возникают наиболее трудно решаемые практические проблемы.

Как представляется, правовым режимом криптовалюты должны быть предусмотрены публично-правовые ограничения, которые касаются субъектного состава рассматриваемых отношений, а также прав и обязанностей лиц, использующих криптовалюту (установление видов использования криптовалюты). Смысл введения ограничений — обеспечение возможности использования криптовалюты определенным кругом лиц для соответствую-

---

[2] *Никитин К.* Правовой статус криптовалют в России // Эж-Юрист. 2017. № 45.

[3] *Брой Ш. У., Зайтц Т. Г.* Законодательное регулирование предотвращения терроризма и организованной преступности в процессе использования криптовалют и их влияние на экономику и общество // Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы : монография / колл. авт. ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2018.

[4] *Никитин К.* Указ. соч.

[5] *Кузнецов В. А., Якубов А. В.* О подходах в международном регулировании криптовалют (Bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях // Деньги и кредит. 2016. № 3. С. 27.

[6] *Вайпан В. А.* Указ. соч.

щих целей, а также недопущение их нецелевого использования. Следует обеспечить установление пределов ограничений, отсутствие которых может негативно повлиять на цифровизацию российской экономики в целом. Также необходимо избегать запретительного уклона в разрешении данного вопроса, который оказывает прямо пропорциональное воздействие на эффективность и предопределяет принятие контрмер как со стороны разработчиков криптовалюты, так и со стороны иных заинтересованных лиц[7].

Основным ограничением, которое должен предусматривать правовой режим криптовалюты, является правило о строго целевом характере ее использования, которое должно осуществляться только в рамках установленных видов использования.

Ведущие страны, лидирующие на сегодняшний день в области правового регулирования использования цифровых валют, сориентированы в первую очередь на разработку мер по противодействию незаконному отмыванию денежных средств и защиту потребителей[8]. Следовательно, цели использования криптовалют могут быть любые, кроме ограниченных законом, таких как отмывание денежных средств, финансирование терроризма, уклонение от уплаты налогов и пр. Эти цели могут конкретизироваться в отраслевом законодательстве.

Вторым значительным публично-правовым ограничением прав на использование криптовалюты может являться ограничение на использование криптовалюты в качестве средства платежа или предмета договора.

Возникающие в этом случае правоотношения в законодательстве не регулируются, что вызвало трудности в практическом решении многих вопросов. Практика судов по данной категории дел различается. Широко распространена позиция о невозможности использовать виртуальные денежные средства в качестве денежных средств, а также в качестве вещей, определенных родовыми признаками, поскольку они не являются предметами материального мира и не существуют в физически осязаемой форме[9]. Вряд ли такой подход можно признать обоснованным, хотя он, очевидно, демонстрирует несовершенство действующего законодательства. Несколько реже суды, напротив, исходят из того, что возможности сторон заключать соглашения специально не урегулированы нормами ГК РФ, а следовательно, к возникшим отношениям правомерно применять нормы, регулирующие аналогичные отношения, независимо от того, что предмет сделки не поименован в законе[10]. Представляется, что второй подход более соответствует букве и духу закона. Согласно позиции налоговых органов, возможно проведение операций с использованием криптовалюты[11]. Однако, как отмечается в литературе, совершение «цифровых» сделок может навлечь подозрение в том, что фирма осуществляет операции (сделки), направленные на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, финансирование терроризма, и вовлечена в осуществление сомнительных операций[12]. Такое существенное отличие правовой позиции и ее практической реализации не удивительно, поскольку в условиях столь существенного дефицита регулятивных норм формирование единой налоговой, административной, судебной практики весьма затруднительно.

По нашему мнению, наиболее актуально при установлении правового режима криптовалюты установление не запретов, а именно ограничений прав ее использования, в том числе в качестве средства платежа, с четкой конкретизацией оснований, границ и пределов таких ограничений, что даст возможность сформулировать правовые нормы, позволяющие, с одной стороны, минимизировать риски цифровизации экономики, а с другой — эффективно использовать новые цифровые технологии в целях успешного развития экономики в целом.

---

[7] *Батоев В. Б., Семенчук В. В.* Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2.

[8] *Галкова Е. В.* Биткойн — альтернатива инвестициям, криптовалюта или «стеклянные бусы» без реальной торговой стоимости? Обзор основных подходов регулирования // Законодательство. 2016. № 11.

[9] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 17 марта 2016 г. по делу № 33-4472/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Постановление Президиума Верховного суда Республики Чувашия от 29 ноября 2013 г. по делу № 4-Г-12/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Письмо ФНС России от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] *Шухрина М.* Криптовалюта: учет и налоги // Практический бухгалтерский учет. 2017. № 11.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Батоев В. Б., Семенчук В. В.* Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 2.
2. *Брой Ш. У., Зайтц Т. Г.* Законодательное регулирование предотвращения терроризма и организованной преступности в процессе использования криптовалют и их влияние на экономику и общество // Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы : монография / колл. авт. ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2018.
3. *Вайпан В. А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. — 2017. — № 11.
4. *Галкова Е. В.* Биткойн — альтернатива инвестициям, криптовалюта или «стеклянные бусы» без реальной торговой стоимости? Обзор основных подходов регулирования // Законодательство. — 2016. — № 11.
5. *Кузнецов В. А., Якубов А. В.* О подходах в международном регулировании криптовалют (Bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях // Деньги и кредит. — 2016. — № 3. — С. 27.
6. *Никитин К.* Правовой статус криптовалют в России // Эж-Юрист. — 2017. — № 45.
7. *Шухрина М.* Криптовалюта: учет и налоги // Практический бухгалтерский учет. — 2017. — № 11.

Л. В. Санникова*,
Ю. С. Харитонова**

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ И ТЕХНОЛОГИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Аннотация. В Ассоциации российских банков учрежден Экспертный совет по правовому регулированию цифровых технологий, целью деятельности которого является участие в формировании комфортной для банков правовой среды в условиях цифровой экономики. В рамках проводимой работы члены Совета обратили внимание на то, что предлагаемые для обсуждения юридической общественности законопроекты не содержат эффективных механизмов правового регулирования, а лишь вводят новые для российского правопорядка понятия. При этом последние не отвечают требованиям определенности терминологии, что связано с отсутствием общих теоретических подходов к содержанию основного юридического понятийного аппарата цифровой экономики. Доказано, что введение в правопорядок понятий «цифровой финансовый актив» и «смарт-контракт» необоснованно. Понятие распределенных реестров цифровых транзакций и/или записей не обладает универсальностью и входит в противоречие с устоявшимися правовыми конструкциями.

Ключевые слова: цифровой актив, криптовалюта, токен, распределенный реестр базы данных, смарт-контракт, цифровая экономика, база данных, интеллектуальная собственность.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.025-030

В связи с поручением Президента РФ от 10 октября 2017 г. Пр-2132[1] Правительству РФ совместно с Банком России надлежит обеспечить внесение в законодательство РФ изменений, предусматривающих определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий (в том числе таких, как «технология распределенных реестров», «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт»), исходя из обязательности рубля в качестве единственного законного платежного средства в Российской Федерации.

Во исполнение данного акта, Министерство финансов РФ подготовило законопроект «О цифровых финансовых активах»[2], размещенный для ознакомления 25 января 2018 г. (далее — Законопроект). В продолжение этой работы Центральный банк РФ также представил проект закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)»[3], который в определении основных понятий отсылает к наработкам законопроекта Минфина РФ.

Таким образом, Россия повторила путь многих зарубежных стран от призывов запрета новых цифровых объектов имущественного оборота, таких как криптовалюты и токены, до их легализации. При этом анализ правового регулирования зарубежных стран в области криптовалют показывает, что большинство

© Санникова Л. В., Харитонова Ю.С.

* Санникова Лариса Владимировна,
профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, исполнительный вице-президент Ассоциации российских банков, доктор юридических наук
** Харитонова Юлия Сергеевна,
профессор, профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук

[1] URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899.

[2] URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&page_id=2104&popup=Y&area_id=4.

[3] URL: http://www.cbr.ru/analytics/standart_acts/others/20180125_02.pdf.

стран пошло по пути точечного законодательного регулирования отдельных аспектов, связанных с оборотом новых цифровых объектов имущественного оборота, преимущественно в целях налогообложения[4].

Наиболее далеко в этом направлении продвинулась Япония, где был принят закон, вносящий изменения в действующие законодательные акты, в частности, в Закон о платежных услугах, который допустил использование криптовалют в качестве средства платежа. Основной интерес к данному закону в мире вызвало закрепление в нем легального определения криптовалют. Криптовалюта определена как имущественная ценность, которая может быть использована в расчетах с другими лицами за товары, аренду, услуги, а также передаваться в цифровом виде[5]. Трудно признать данное определение точным и исчерпывающим, скорее оно раскрывает экономическую и правовую сущность данного объекта, который может выступать и в качестве имущества, и в качестве средства платежа. Определение криптовалют через указание на их функционал в совокупности с другими правовыми средствами, содержащимися в законе (в частности, защита участников крипторынка посредством лицензирования криптобирж, освобождение от 8 %-ного налога на потребление), позволило создать в Японии благоприятную бизнес-среду для развития крипторынка и привлечения инвесторов.

Российские разработчики законодательства в сфере криптовалют, в лице государственных органов, обнародовавшие свои законопроекты, пошли, как обычно, по особому пути. Вместо создания действующих правовых механизмов, способных оказать стимулирующее регулятивное воздействие на формирующийся в России крипторынок, в законопроекте Минфина России получили закрепление дефиниции основных терминов, используемых участниками крипторынка. Предложенные дефиниции вызывают обоснованные сомнения в их адекватности целям и задачам, поставленным руководством страны по построению цифровой экономики.

Прежде всего возникает вопрос о целесообразности введения такого понятия, как цифровой финансовый актив. Исходя из текста законопроекта Минфина России, можно сделать вывод, что данное понятие вводится исключительно с целью объединить такие цифровые объекты имущественного оборота, как криптовалюта и токены. В зарубежных и отечественных источниках используются, как правило, два понятия: цифровой актив и финансовый актив. К цифровым активам может быть отнесен довольно широкий круг объектов, выраженных в двоичном формате. К. Д. Савицкая, отмечая разнообразие содержания понятия цифровых активов и отсутствие единого подхода к его определению, предлагает понимать под цифровым активом «любой цифровой файл, хранящийся на любом носителе, на который может быть помещена информация и с которого информация может быть получена или извлечена в будущем»[6]. Следовательно, криптовалюты и токены составляют лишь незначительную долю цифровых активов.

Представление о понятии финансовых активов можно составить из содержания Международного стандарта финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 26.08.2015 № 133н). Отнесение криптовалют и токенов к финансовым активам на сегодня более чем спорно.

Согласно абз. 2 ст. 2 Законопроекта под цифровым активом понимается «имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств». Однако шифровальные (криптографические) средства не создают какие-либо цифровые объекты, а лишь используются для их защиты. Кроме того, при таком широком подходе к цифровым финансовым активам могут быть отнесены и другие цифровые объекты, помимо криптовалют и токенов, например электронная цифровая подпись. Представляется, что введение данного термина только для объединения в одном законопроекте регулирования криптовалют и токенов

---

[4] Правовое регулирование криптовалютного бизнеса // URL: http://axon.partners/wp-content/uploads/2017/02/Global-Issues-of-Bitcoin-Businesses-Regulation.pdf.

[5] URL: http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/japan-bitcoin-to-be-regulated/.

[6] *Савицкая К. Д.* Цифровые активы: теория и правовое регулирование на примере Соединенных Штатов Америки // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D : Экономические и юридические науки. 2015. № 5. С. 196.

не вполне обоснованно и не несет смысловой нагрузки.

Сомнения вызывает и использование термина «право собственности» в отношении имущества в электронной форме. Как известно, в отечественной цивилистической доктрине преобладает позиция, согласно которой объектом права собственности может быть только вещь как предмет материального права.

В связи с этим термин «цифровые финансовые активы», вводимый Законопроектом, не способствует раскрытию таких важнейших категорий крипторынка, как криптовалюты и токены.

Известно, что для целей правового регулирования было принято решение не использовать термин «блокчейн», а обратиться к более общему нейтральному понятию — распределенный реестр данных[7].

В специальной литературе распределенная база данных, называемая иногда распределенная/параллельная база данных (DDB), — это именно единая база данных, а не произвольный набор файлов, индивидуально хранимых на разных узлах сети, являющаяся распределенной файловой системой. Данные представляют собой DDB, только если они связаны в соответствии с некоторым структурным формализмом, реляционной моделью, а доступ к ним обеспечивается единым высокоуровневым интерфейсом[8]. Распределенные базы могут иметь разный уровень реплицированности — от полного отсутствия дублирования информации до полного дублирования всей информации во всех распределенных копиях. Примером последнего является технология блокчейн.

Таким образом, для целей российского законопроекта избран подход, согласно которому распределенный реестр рассматривается как метод хранения записей и аутентификации, в основе которого может лежать технология блокчейн либо любая другая.

В то же время в Законопроекте используется понятие «распределенный реестр цифровых транзакций», под которым понимается систематизированная база цифровых транзакций, хранящихся и одновременно создающихся и обновляющихся на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра.

От этого понятия предлагается отличать понятие «реестр цифровых транзакций», который является формируемой на определенный момент времени систематизированной базой цифровых записей.

Таким образом, распределенный реестр цифровых транзакций определяется как систематизированная база цифровых записей, которые хранятся, создаются и обновляются в определенном режиме (децентрализованно). Тем самым в приведенных определениях сделана попытка описать понятие реестра как такового, а также такой его характеристики, как распределенность. При этом понятие транзакций, судя по всему, соответствует понятию записи. Указание на цифровую форму записи в данном случае призвано подчеркнуть ее электронную форму. В связи с этим представляется важным обсуждение вопроса, каким должно быть закрепление понятия распределенного реестра цифровых транзакций в российском правопорядке и насколько универсальным оно может быть, независимо от отраслевой принадлежности закона, в котором будет закреплено.

Согласно разъяснениям специалистов в сфере новых технологий и участников развивающихся цифровых бизнес-процессов, архитектурные слои блокчейна как одной из технологий, связанных с применением метода распределенного реестра, состоят из нескольких частей: база данных, программное приложение, несколько компьютеров, подключенных друг к другу, клиентов, имеющих доступ к нему, программной среды, на которой он основан, инструментов для контроля над ним и т.д.[9] Это будет справедливо для любого случая использования аналогичной технологии ведения реестра.

Как подчеркивает В. А. Вайпан, одним из новых направлений законотворческой работы является формирование правовых условий для использования технологий децентрализованного ведения реестров и удостоверения прав[10]. В Законопроекте же Минфина России практи-

---

[7] *Вайпан В. А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 10. С. 5—18.

[8] *Дейт К. Дж.* Введение в системы баз данных [An Introduction to Database Systems]. 7-е изд. М. : Вильямс, 2001.

[9] См.: *Могайар У.* Блокчейн для бизнеса / предисл. В. Бутерина. М. : Эксмо, 2018. С. 35.

[10] См.: *Вайпан В. А.* Правовое регулирование цифровой экономики // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2018. № 1. С. 12—17.

чески не затронута проблема односторонних, или безадресных, транзакций, которые могут соответствовать удостоверительным надписям, подтверждать факт внесения/существования в реестре той или иной записи. Очевидно, что, решая задачи финансового законодательства, Минфин России неоправданно сузил определение распределенного реестра. Для того, чтобы применение технологии распределенных реестров реально выполняло задачи правоустановления, фиксации юридически значимых фактов, доказательства в процессе требуется прямое указание на это в законе. Скорее всего, это не должно осуществляться в рамках Закона «О цифровых финансовых активах», однако реализация последнего без такой вводной вряд ли будет успешной. Это одна из основных сквозных цифровых технологий, правовое оформление которой требуется по исполнение программы «Цифровая экономика»[11].

В Законопроекте также четко не отражена еще одна характеристика реестра. Распределенный реестр данных (те же цифровые записи, транзакции) включает в себя, по сути, две составляющие: базу данных записей о фактах и реестр транзакций по поводу данных фактов.

Следует отметить, что распределенный реестр баз данных отличается от используемого в российском законодательстве понятия базы данных как охраняемого объекта интеллектуальных прав. Г. Ф. Ручкина со ссылкой на электронные ресурсы указывает, что блокчейн (распределенный реестр) представляет собой новую форму базы данных, позволяющую широкой группе участников получать практически одновременный совместный доступ к общим данным, с беспрецедентным уровнем конфиденциальности, полностью децентрализованный[12]. Однако это не совсем так.

Строго говоря, под базой данных ГК РФ понимает представленную в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ) (ст. 1260). Ценность же такой технологии распределенного реестра, как блокчейн данных, состоит в том, что она работает «почти как база данных», однако при этом часть хранимой информации, ее заголовок общедоступны для участников распределенной сети.

Таким образом, оправданной становится попытка разработчиков Законопроекта уйти от имеющегося устоявшегося значения термина «база данных», заменив его на «базу записей». В то же время, очевидно, более эффективным способом решения проблемы будет изменение положений четвертой части ГК РФ, которое позволило бы установить режим баз данных, создаваемых и используемых с помощью технологии распределенного реестра, как неохраняемых, независимо от числа внесенных в них данных или их творческого происхождения.

Важно что́ понимать под заданными алгоритмами хранения, создания и обновления базы цифровых транзакций.

Согласно ГОСТ Р 8.883-2015 алгоритмы программного обеспечения определяются как последовательности арифметических и логических операций, производимых над измерительной информацией (с учетом априорной информации) с целью определения результатов измерений, а также для реализации хранения, защиты и передачи измерительной информации[13]. Алгоритм используется в составе совокупности элементов программы для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности. Однако исключительное право на использование программных команд, кодов и алгоритмов отдельно от всего программного обеспечения как результата интеллектуальной деятельности законом не предоставлено, что подтверждается и судебной практикой[14]. Следовательно, упоминание алгоритма в определении распределенного реестра цифровых

---

[11] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».

[12] *Ручкина Г. Ф.* Банковская деятельность: переход на новую модель осуществления, или «Финтех» как новая реальность // Банковское право. 2017. № 4. С. 55—62.

[13] ГОСТ Р 8.883-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Государственная система обеспечения единства измерений. Программное обеспечение средств измерений. Алгоритмы обработки, хранения, защиты и передачи измерительной информации. Методы испытаний (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28.04.2015 № 307-ст).

[14] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.04.2015 по делу № А40-56211/14-90-70.

записей не означает, что алгоритм является охраняемым объектом исключительных прав.

Это лишь указание на то, что порядок и характер действия программного обеспечения, например приложения как программы для ЭВМ, будет основан на принципе децентрализации и т.п. В то же время упоминание алгоритма как понятия, имеющего закрепление в праве, требует более внимательного отношения. В итоге в архитектуре любой технологии невозможно обойтись без программного обеспечения (реализации так называемой платформы), которое само по себе будет охраняемым объектом права интеллектуальной собственности.

Базовым понятием цифровой экономики, безусловно, является и смарт-контракт. В проекте он представлен как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств. Защита прав участников (сторон) смарт-контракта осуществляется в порядке, аналогичном порядку осуществления защиты прав сторон договора, заключенного в электронной форме.

Пропагандируя новые технологии для бизнеса, У. Могайар указывает, что блокчейн как технология, работающая по методу распределенного реестра, изменяет способ написания приложения через новую форму языков сценариев, которые могут программировать бизнес-логику как «умные» контракты, которые применяются на блокчейне[15]. При этом отличием этих новых контрактов от всех известных различным правопорядкам будет так называемая самоисполнимость. На наш взгляд, не следует сводить понятие смарт-контракта к электронной форме заключения договора. В связи с этим очень спорной является позиция о том, что «необходимы изменения в Гражданский кодекс в части определения совершаемых в электронной форме сделок в целях обеспечения эффективного электронного гражданского оборота, соблюдения баланса прав и обязанностей сторон договора, защиты более слабой стороны»[16]. Смарт-контракт как конструкция применим только в случаях, когда возможно алгоритмированное исполнение закрепленного в нем обязательства. То есть предполагается обмен некоего «цифрового блага» на встречное цифровое удовлетворение с помощью программного обеспечения.

Например, платформа для карбонового рынка оперирует единицами, по сути, представляющими собой однородный базовый актив — право выбросов парниковых газов[17]. Причем этот актив могут использовать практически неограниченное число пользователей — от международных, государственных структур, транснациональных корпораций до частных компаний индивидуальных потребителей товаров и услуг. Данный актив может генерироваться в любой точке земного шара и не требует физической транспортировки. Тем самым данная платформа позволяет совершать операции по регистрации и переуступке «углеродных» активов и обязательств, а также для выбора проектов для инвестирования автоматически в обмен на определенное удовлетворение — в большинстве случаев криптовалюту.

В связи с этим подлежит научному обоснованию возможность приравнять смарт-контракт к самостоятельному виду договоров или сделок в гражданско-правовом смысле. Если речь идет о сопоставлении понятия смарт-контракта с традиционным подходом к институту гражданско-правового договора, то ближе всего это понятие к традиционной форме договора, которая, однако, не сводится только к электронной, но должна быть определена именно через понятие алгоритма исполнения. Под электронной формой сделки сегодня ученые понимают такую, когда информация передается по каналам электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (электронные версии подписанных сделок и т.д.). Как разъясняет Л. Г. Ефимова, если электронный документ включает реквизиты соответствующего договора (оферты, акцепта), то говорят, что сделка заключена в электронной форме[18].

---

[15] *Могайар У.* Блокчейн для бизнеса. С. 35.

[16] *Вайпан В. А.* Правовое регулирование цифровой экономики.

[17] URL: http://www.forbes.ru/tehnologii/340223-neobhodimyy-blokcheyn-komu-nuzhna-tehnologiya-raspredelennogo-reestra.

[18] *Ефимова Л. Г.* Правовые особенности электронной формы банковских сделок // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. С. 22—41.

Очевидно, что фактическое понятие смарт-контракта, сложившееся в практике его применения, не соответствует понятиям электронной формы документа или сделки, электронной публичной оферты, акцепта и т.д. В связи с этим представляется преждевременным допущение, что с помощью электронной оферты можно реализовать цифровой актив посредством заключения самоисполнимого смарт-контракта, как это следует из законопроекта Минфина России. Ведь, по сути, речь должна идти о том, что «опубликование эмитентов токенов в сети Интернет оферты, содержащей предложение о приобретении выпускаемых им токенов», представляет собой часть процедуры эмиссии, а не публичную оферту в электронной форме, в результате электронного же акцепта которой будет заключен и автоматически исполнен смарт-контракт. Напротив, самоисполняемость договора есть квалифицирующий признак смарт-контракта, который предопределен формой его существования в виде программного кода, но не является исключительно формой этого контракта.

Если достоинством технологии распределенных реестров называют возможность «честно работать там, где правила одинаково применимы ко всем»[19], то и законодательство должно создавать такие условия: правила должны быть прозрачными и ясными.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Брой Ш. У., Зайтц Т. Г.* Законодательное регулирование предотвращения терроризма и организованной преступности в процессе использования криптовалют и их влияние на экономику и общество // Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы : монография / колл. авт. ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2018.
2. *Вайпан В. А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. — 2017. — № 10. — С. 5—18.
3. *Вайпан В. А.* Правовое регулирование цифровой экономики // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». — 2018. — № 1. — С. 12—17.
4. *Ефимова Л. Г.* Правовые особенности электронной формы банковских сделок // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 1. — С. 22—41.
5. *Могайар У.* Блокчейн для бизнеса / предисл. В. Бутерина. — М. : Эксмо, 2018.
6. Правовое регулирование криптовалютного бизнеса // URL: http://axon.partners/wp-content/uploads/2017/02/Global-Issues-of-Bitcoin-Businesses-Regulation.pdf.
7. *Ручкина Г. Ф.* Банковская деятельность: переход на новую модель осуществления, или «Финтех» как новая реальность // Банковское право. — 2017. — № 4. — С. 55—62.
8. *Савицкая К. Д.* Цифровые активы: теория и правовое регулирование на примере Соединенных Штатов Америки // Вестник Полоцкого государственного университета. — Серия D : Экономические и юридические науки. — 2015. — № 5.

[19] URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/06/top-10-emerging-technologies-2016/.

Е. О. Поддубный*

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ В РОССИИ ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. Исследуются вопросы функционирования системы электронного правосудия, ее актуальности, необходимости совершенствования системы электронного правосудия.

Ключевые слова: электронное правосудие, повышение качества правосудия, совершенствование, судебная защита прав предпринимателей, современные технологии, электронный документооборот.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.031-034

Современный мир трудно представить без технологий: компьютера, телефона, Интернета и иных многофункциональных гаджетов. Все сферы человеческой жизни компьютеризируются. Распоряжением Правительства от 28.07.2017 № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Цель данной программы предусматривает создание благоприятных условий для развития цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевыми факторами производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан.

Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017—2030 годы» предусмотрено создание условия для формирования общества знаний для обеспечения таких национальных интересов, как:

— развитие человеческого потенциала;
— обеспечение безопасности;
— развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления;
— повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы;
— формирование цифровой экономики.

Помимо прочего, обеспечение национальных интересов в реализации стратегии предусмотрено путем соблюдения следующих приоритетов:

— формирование информационного пространства с учетом потребностей общества в получении качественных и достоверных знаний;
— развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры России;
— формирование новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы;
— обеспечение национальных интересов в области цифровой экономики.

Стратегия предусматривает формирование информационного пространства путем развития науки, просветительских проектов, создания взаимосвязанных знаний и представлений, обеспечения безопасной среды для детей, поддержки традиционных форм распространения знаний. Также документ предусматривает обширную программу развития информационной и коммуникационной структуры Российской Федерации.

Не осталась в стороне и судебная система. Россия делает уверенные шаги в укреплении конституционных принципов и основ в отправлении правосудия. Система электронного правосудия базируется на принципах открытости, обеспечения права на доступ к информации о деятельности судов, что позволяет без труда взаимодействовать с судами посред-

© Поддубный Е. О.

* Поддубный Евгений Олегович,
студент юридического факультета Московского государственного областного университета, секретарь судебного заседания Арбитражного суда г. Москвы

ством электронного документооборота. Так, например, в п. 4 ст. 131 ГПК РФ сказано, что исковое заявление может быть подано в суд посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В пункте 1 ст. 125 АПК РФ сказано, что исковое заявление также может быть подано в арбитражный суд посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Актуальность данной темы не вызывает сомнений. Постановлением Правительства от 27.12.2012 № 1406 «О Федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы"» были поставлены цели, в числе которых:

— повышение качества правосудия;
— совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Для реализации поставленных целей программа предусматривает решение таких задач, как:

— создание условий для осуществления правосудия;
— независимость и доступность правосудия;
— открытость и доступность правосудия и т.д.

Вышеуказанная программа также предусматривает создание условий для электронного судопроизводства, предусматривающего упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде, получения копий документов и ознакомления с материалами дела, а также организацию входного сканирования всех поступающих в арбитражные суды документов и формирование электронных дел.

Вопрос о формировании электронных дел на сегодняшний день представляется актуальным ввиду следующего.

Например, в Арбитражный суд города Москвы по состоянию на 12.11.2017 с начала 2017 г. поступило 214 487 исковых заявлений[1]. Нагрузка на одного судью составляет в среднем 221 дело в месяц. В Арбитражный суд Московской области поступило за аналогичный период 92 979 исковых заявлений[2]. Нагрузка на одного судью в среднем — 206 дел в месяц. Исковые заявления подаются в арбитражные суды в соответствии с порядком, предусмотренным п. 1 ст. 125 АПК РФ.

Главой 29 АПК РФ предусмотрена процедура рассмотрения дел в порядке упрощенного производства. В данной главе, в частности в п. 1 ст. 228, предусмотрено, что исковое заявление, заявление по делу, указанному в ч. 1 или 2 ст. 227 настоящего Кодекса, и прилагаемые к такому заявлению документы могут быть представлены в арбитражный суд на бумажном носителе либо в электронном виде. Такое заявление размещается на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в режиме ограниченного доступа в срок, не превышающий пяти дней со дня принятия искового заявления.

Как следует из ст. 228 АПК РФ, исковые заявления, принятые судом к рассмотрению в порядке упрощенного производства, размещаются в сети Интернет в режиме ограниченного доступа. Каждому делу присваивается индивидуальный код, по которому лица, участвующие в деле, через сайт электронного правосудия — kad.arbitr.ru могут ознакомиться со всеми материалами дела. В случае поступления иных документов, уже после принятия судом искового заявления к упрощенному производству, документы сканируются и лица, участвующие в деле, также могут увидеть данные документы на сайте в сети Интернет.

Встает закономерный вопрос: а почему бы не сделать все дела полностью электронными? Это позволит избавиться от бумажной макулатуры, от кипы дел в судах, которым уже трудно найти место для хранения, избавит сотрудников аппарата судов от поиска нужного дела, особенно если оно давнее. Почему бы не сделать жизнь судам проще? С учетом того, что количество поступающих дел с каждым годом все больше, рано или поздно встанет вопрос, даже для Арбитражного суда города Москвы, — где все это хранить?

Например, в Сингапуре, с 1997 г. действует электронная система подачи документов в суд. Электронный документ, поступивший в суд, подвергается автоматической проверке на соответствие предъявляемым законом требованиям, без вмешательства персонала суда, направляется на нужный регистр для обработки и регистрации. Система автоматически распределяет дальнейшее движение документов в суде, что

[1] По данным Арбитражного суда города Москвы. URL: http://www.msk.arbitr.ru/ (дата обращения: 12.11.2017).

[2] По данным Арбитражного суда Московской области. URL: http://www.asmo.arbitr.ru/ (дата обращения: 12.11.2017).

позволяет значительно сократить время рассмотрения поступившего заявления и предотвращает его потерю в суде в связи с невмешательством третьих лиц в процесс регистрации и перераспределения поступившей корреспонденции (заявлений). Документооборот полностью электронный, в любой момент суд в ходе судебного разбирательства по делу может через систему получить нужный документ, представленный лицами, участвующими в деле.

Представляется необходимым перейти к полностью электронному документообороту, что полностью отвечает принципам, заложенным в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы», предусматривающей снижение нагрузки на судей, работников аппарата судов посредством оптимизации деятельности судебного делопроизводства.

При этом, безусловно, встанет вопрос об информационной безопасности; доступе к информации именно тех лиц, которые участвуют в деле, и их процессуального статуса; представлении вещественных доказательств по делу. Но, как показывает практика рассмотрения дел в порядке упрощенного производства в арбитражных судах, данные вопросы решаемы. Вместе с тем Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в частности в ст. 16, предусматривает принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на защиту информации и доступ к ней при размещении информации в информационной и телекоммуникационной системе.

По вопросу о предоставлении вещественных доказательств по делу в электронном виде следует сказать следующее.

В Российской Федерации действует Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», в ст. 5 которого предусмотрено два вида электронной подписи:

— простая электронная подпись
— и усиленная электронная подпись.

Простая электронная подпись подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом посредством использования кодов, паролей и иных средств.

Электронная подпись определяет лицо, подписавшее документ, обнаруживает изменения в документе после его подписания.

Квалифицированной (усиленной) электронной подписью является электронная подпись, которая соответствует всем признакам неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам:

1) ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате;
2) для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным в Законе.

Лица, участвующие в деле, могут воспользоваться усиленной электронной подписью для представления существенных доказательств по делу.

Так чем же удобно электронное дело? Участникам процесса не надо будет приезжать в суд для ознакомления с материалами дела. Для суда это удобно, например, тем, что можно оперативно пересылать дела из инстанции в инстанцию без оформления промежуточных актов (сопроводительных писем).

Вместе с тем, если обратиться к той же системе электронного правосудия в Сингапуре, то она предусматривает регистрацию пользователя как участника процесса по делу. После регистрации пользователь получает цифровой сертификат, обеспечивающий доступ к электронному делу, и может пользоваться услугами, предоставляемыми системой. Использование сертификата позволяет получать от суда сведения о регистрации поступившего документа. Сертификат о регистрации документа в последующем может использоваться в качестве доказательства подачи документа в суд.

В США также можно взаимодействовать с судом посредством электронного документооборота. Участнику процесса выдается электронный ключ для доступа к материалам дела, при этом можно отследить все поступающие документы от другой стороны, посмотреть, какие действия совершил суд. Электронное взаимодействие приводит к ускорению обмена информацией и его упрощению. Вместе с тем необходимо, чтобы все стороны были заинтересованы в полностью электронном документообороте, а не его дублировании, как в России (помимо того, что документ подается через Интернет, направляется по почте, так еще и сдается через канцелярию).

Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», п. 4 ст. 10, предусмотрено в целях обеспечения права пользователей информацией на доступ к информации принятие мер к защите

информации судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента. В пунктах 3, 4 ст. 15 указанного Федерального закона прописано: при размещении в сети Интернет текстов судебных актов, вынесенных судами общей юрисдикции, за исключением текстов судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса из указанных актов исключаются персональные данные, кроме фамилий и инициалов истца, ответчика, третьего лица, гражданского истца, гражданского ответчика, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, секретаря судебного заседания, рассматривавших (рассматривавшего) дело судей (судьи), а также прокурора, адвоката и представителя, если они участвовали в судебном разбирательстве. Вместо исключенных персональных данных используются инициалы, псевдонимы или другие обозначения, не позволяющие идентифицировать участников судебного процесса. При размещении в сети Интернет текстов судебных актов, предусматривающих положения, которые содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, эти положения исключаются из текстов судебных актов. В пункте 5 ст. 15 данного Закона предусмотрены сведения, которые не подлежат размещению в сети Интернет.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Быстрота развития современных технологий позволяет делать уверенные шаги в сторону совершенствования разных систем, даже такой массивной, как судебная. Исходя из сравнения систем Российской Федерации и системы, используемой в Сингапуре, можно сделать вывод о том, что используемая в Российской Федерации система еще не до конца развита, присутствуют пробелы в процессе регистрации и распределения документов, не предоставлен доступ в той мере, в какой он необходим, лицам, участвующим в деле. Представляется, что данная система развивается без учета мнений всех сторон, заинтересованных в процессе совершенствования и развития правосудия.

Постановление Правительства от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы”», направленной на развитие и совершенствование информационных технологий в судопроизводстве, внедрение соответствующего программного обеспечения, предусматривается финансирование этапов вышеуказанной программы по разным направлениям. Меры, содержащиеся в программе, направлены на повышение качества правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Помимо прочего, программа подразумевает переход к электронному документообороту. Хочется надеяться, что в эпоху развития технологий, совершенствования электронных программ и систем, к 2020 г. документооборот в наших загруженных судах будет полностью электронным, что избавит сотрудников судов, участвующих в деле сторон от бумажной волокиты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ворожбит С. П.* Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. — СПб., 2011. — 25 с.
2. *Решетняк В. И.* Электронное правосудие в гражданском процессе Сингапура // Российский юридический журнал. — 2012. — № 2.
3. Российские суды будут модернизированы // Российская газета. — Столичный вып. — 27.05.2011.
4. *Федосеева Н. Н., Чайковская М. А.* Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. — 2011. — № 11.

К. А. Писенко*,
Э. Г. Гаспарян**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТОЯНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ НА ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ[1]

Аннотация. Статья посвящена проблематике методического обеспечения исследования состояния конкурентной среды на цифровых рынках, в том числе обращается внимание на проблематику так называемых Больших данных, феномена платформы, на специфику барьеров входа, определения географических границ, рыночной власти и иные факторы и особенности в организации и функционирования цифровых рынков, имеющие значение для эффективного исследования состояния конкурентной среды на цифровых рынках.

Ключевые слова: цифровые рынки, антимонопольный контроль, состояние конкурентной среды, анализ товарного рынка, Большие данные, барьеры входа, географические границы рынка, рыночная власть.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.035-039

В настоящее время все большее распространение получает осуществление экономических операций, в том числе трансграничного характера, а также в целом осуществление деятельности хозяйствующих субъектов в цифровом режиме. Традиционные способы ведения хозяйственной деятельности становятся второстепенными, в авангарде современной экономики находятся цифровые коммуникации, и все больше сфер традиционной экономики интегрируются в Интернет, что обусловливает расширение зоны охвата Сети.

Российская Федерация как часть мирового сообщества следует данным тенденциям, чтобы, как считается, увеличить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. Так, одной из целей по развитию информационного общества в Российской Федерации устанавливается внедрение технологии обработки данных с целью уменьшения затрат при производстве товаров и оказании услуг, а также формирование цифровой экономики[2]. В соответствии с этой общей направленностью корректируются и отраслевые направления регулирования. Так, предусмотрена необходимость совершенствования антимонопольного законодательства с целью развития цифровой экономики и обеспечения более эффективного регулирования вопросов, оказывающих влияние на состояние конкуренции на территории Российской Федерации[3].

Современные экономические реалии, способы и методы ведения хозяйственной дея-

© Писенко К. А., Гаспарян Э.Г.

* Писенко Кирилл Андреевич,
профессор кафедры финансового права
Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института РУДН,
кандидат юридических наук, доцент
** Гаспарян Эдуард Гариевич,
аспирант кафедры финансового права
Российского государственного университета правосудия

[1] Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»// СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[3] См.: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

тельности разительно отличаются от экономики даже не столь отдаленного прошлого, например, 70—80-х гг. XX в. Вместе с развитием экономики становится актуальным вопрос об «эффективности институтов конкурентного права, способности этих институтов защищать конкуренцию посредством регулирования поведения хозяйствующих субъектов»[4] в сфере цифровой экономики.

Однако существующий правовой инструментарий в сфере защиты конкуренции, в том числе предусмотренный антимонопольным законодательством и подзаконными актами, прежде всего приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке»[5] (далее — Порядок анализа), аналогичные акты евразийского конкурентного права не были приспособлены для проведения расследования на цифровых рынках, так как практика показывает существование в цифровой реальности целого ряда явлений, подходов и понятий, которые затрудняют использование существующего понятийного аппарата и сложившихся методик в полном объеме.

Несмотря на то, что ранее указанный Порядок анализа содержит в себе инструментарий для оценки наиболее широкого спектра рынков, при применении его к рынкам цифровой экономики, которая, как уже отмечалось, наращивает свои объемы и влияние по сравнению с традиционными секторами, встает ряд вопросов, касающихся адекватности методов и достоверности полученных результатов анализа. В своей работе мы хотим наглядно продемонстрировать некоторые проблемы, а также возможные способы и инструменты усовершенствования методологии анализа состояния конкуренции на примере отдельных цифровых рынков.

Для определения ключевых показателей и значений, таких как продуктовые границы рынка; географические границы рынка; состав хозяйствующих субъектов; объем и доли хозяйствующих субъектов; уровень концентрации рынка; барьеры для входа на рынок; доминирующее положение хозяйствующего субъекта, необходимо использовать особые методы и инструментарий для получения полной и объективной картины состояния конкуренции на товарном рынке цифровой экономики.

Начать следует с того, что п. 1.5 Порядка анализа предусматривает перечень источников информации, допустимых к использованию при проведении анализа состояния конкуренции на товарном рынке, однако для таких видов товарных рынков, которые можно отнести к сфере цифровой экономики, следует предусмотреть более прогрессивные источники информации, такие как кэшированные страницы интернет-сайтов и информация, получаемая через сеть Интернет с помощью специализированного программного обеспечения. Использование вышеуказанных источников позволит антимонопольным органам увеличить эффективность анализа состояния конкуренции на товарных рынках в целом, кроме того, источники информации, применяемые в настоящий момент исключительно к товарным рынкам цифровой экономики, не в полной мере отображают состояние конкуренции.

При рассмотрении проблемы прежде всего следует отметить, что особенностью многих цифровых рынков является возможность оперирования большими объемами данных, что дает неоспоримые конкурентные преимущества. В настоящее время технологические и вычислительные мощности достигли уровня, на котором ценны не само хранение больших объемов информации, а их анализ и применение в различных секторах экономики. Так, например, у участников рынка услуг платежных систем, предоставляемых операторами платежных систем для транзакций с использованием банковских карт, имеются вычислительные мощности и инфраструктура, которая позволяет обрабатывать большой объем данных при выполнении всех операций при осуществлении транзакций, соответственно, и обработка, и анализ этих данных не потребуют больших дополнительных затрат.

По вопросу о конгломеративных тенденциях и экономической экспансии субъектов цифровых рынков следует отметить, что получаемая информация может быть использована не только для целей развития соответствующего сегмента рынка. Так, информация, которой обладают и которую могут анализировать участники рынка услуг платежных си-

---

[4] См.: *Сушкевич А. Г.* Институты конкурентного права и новая экономика: как добиться соответствия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3.

[5] Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 34.

стем, предоставляемых операторами платежных систем для транзакций с использованием банковских карт, имеет ценность для работы в большом количестве рыночных сегментов экономики в целом. Такая информация, как, например, возраст потребителей, покупающих тот или иной товар (или получающих услугу), количество транзакций по одному виду карт и т.д., представляет ценность, так как содержит данные о том, на что потребители тратят денежные средства, категории этих потребителей, их географическое расположение и т.д. Этот феномен цифровой экономики и рынков связан с понятием так называемых Больших данных (Big Data).

Значение такого явления отмечается как российскими, так и зарубежными правоведами и экономистами. Так, рассматривая проблематику Больших данных в современной цифровой экономике в контексте антимонопольного регулирования, К. С. Ючинсон[6] отмечает, что Большие данные, являясь, по его мнению, источником прогресса и развития информационных технологий, в руках недобросовестных хозяйствующих субъектов могут выступать в качестве инструмента для ограничения, недопущения или устранения конкуренции на товарных рынках.

В этой связи государству, в том числе антимонопольным органам, следует вооружиться технологиями, отвечающими вызовам Big Data, но с целью выявления действий, нарушающих антимонопольное законодательство или способных привести к ухудшению конкурентной среды. Так, например, в зарубежных актах предлагаются превентивные меры по обнаружению нарушений, такие как разграничение состояния конкуренции и сговора на основе результатов наблюдений, обычно известные как методы скрининга[7], которые предотвращали бы нарушения антимонопольного законодательства.

Проблема Больших данных связана с проблемой барьеров входа. Так, Большие данные также следует рассматривать в качестве барьеров для входа на товарный рынок в случае, даже если продукция хозяйствующего субъекта обращается на рынке без взимания за это платы, но при этом у данного субъекта имеются технологические возможности по обработке и анализу больших массивов информации.[8]

Также к барьерам на рынках цифровой экономики можно отнести дорогостоящие капиталовложения в вычислительные мощности, что наглядно отображается на примере рынка услуг платежных систем, предоставляемых операторами платежных систем для транзакций с использованием банковских карт. Так, например, по приблизительным расчетам 30 банкам — эмитентам банковских карт платежной системы «Мир» придется потратить с этой целью 12 млн долл.[9]

Наряду с финансовыми вложениями в вычислительные мощности, следует отметить наличие сетевого эффекта на рынках цифровой экономики, которые в зависимости от товара, обращаемого на рынке, могут стать тяжело преодолеваемым барьером. Так, например, деятельность международных платежных систем осуществляется в форме двустороннего сетевого рынка на основе платформы. Аналитическим центром при Правительстве РФ отмечено, что держатели карт выбирают ту платежную систему, карты которой принимает большое число торговцев; торговцы, в свою очередь, принимают карты тех платежных систем, у которых много держателей карт[10].

Проводя параллели с иными цифровыми рынками, успешно применяющими инструмент так называемой платформы, можно отметить пример рынка услуг пассажирской перевозки в такси, который сильно видоизменился в период с 2012 по 2015 г., ощутив на себе влияние таких игроков, как «GetTaxi», «Uber», «Yandex Taxi», которые вытеснили с рынка классические и традиционные таксопарки со своими автомобилями и водителями

---

[6] См.: *Ючинсон К. С.* Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 216—245.

[7] См.: OECD. Roundtable on Ex Officio Cartel Investigations and the Use of Screens to Detect Cartels. Background Note for Competition Committee // URL: http://www.oecd.org/daf/competition/exofficio-cartel-investigation-2013.pdf.

[8] См.: Report by the Autorité de la Concurrence and Bundeskartellamt. Competition Law and Data. May 10, 2016 // URL: http://www.autoritedelaconcurrence.fr/doc/reportcompetitionlawanddatafinal.pdf.

[9] См.: Запуск платежной системы для эмиссии карт «Мир» обойдется банкирам в 12 млн долларов // Новостной портал Banki.ru. URL: http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8232006.

[10] См.: Антимонопольное регулирование двусторонних рынков: постановка проблемы // Бюллетень о развитии конкуренции. Сентябрь 2016.

за счет перехвата от традиционных операторов рынка функции поиска клиента, подачи ему автомобиля и, главное, за счет устранения любой неопределенности в коммерческих условиях перевозки[11].

Ряд вопросов возникает и в связи с определением географических границ рынка, географической идентификацией хозяйствующих субъектов — участников цепочки цифровых услуг и рынков. В соответствии с особенностями рынков электронной коммерции, которые при реализации товаров используют достижения современных средств коммуникации, можно сделать вывод о том, что географические границы рынка должны определяться по степени направленности реализации товара на граждан определенной страны или же региона. Следует отметить, что вычислительные мощности (серверы), которые находятся на территории одного из государств, нельзя рассматривать в качестве признака, определяющего географические границы рынка услуг платежных систем. Так, серверы, операционные и клиринговые центры являются лишь инструментом для самой услуги платежа, по аналогии с банковской картой, следовательно, отождествление географических границ с месторасположением «вычислительных» центров является ошибочным подходом для рынка услуг платежных систем.

Цифровая экономика весьма условно соотносится с понятием «географические границы рынка» в классическом понимании, так как деятельность осуществляется в сети Интернет. Однако, вероятно, можно предложить или принять за основу подход, согласно которому действия хозяйствующего субъекта распространяются на определенную страну, если сайт хозяйствующего субъекта зарегистрирован в доменных зонах соответствующей страны, а также информация приведена на соответствующем языке[12]. Итак, в соответствии с особенностями рынков электронной коммерции, которые при реализации товаров используют достижения современных средств коммуникации, можно сделать вывод о том, что географические границы рынка должны определяться по степени направленности реализации товара на граждан определенной страны или же региона.

Продолжая рассмотрение проблематики антимонопольных аспектов цифровой экономики, следует отметить, что важнейшим вопросом, который также подлежит анализу при оценке состояния конкуренции товарного рынка, является наличие рыночной власти хозяйствующих субъектов, а именно доминирующее положение и концентрацию на товарном рынке в целом. В случаях, когда товар предоставляется конечному покупателю в обмен на денежные средства, долю хозяйствующего субъекта можно определить с помощью инструментария, который применяется и к традиционным товарным рынкам, однако рыночную власть особенно трудно оценить, когда организации предлагают потребителям бесплатные сервисы в обмен на данные.

Большое количество рынков цифровой экономики, которые можно охарактеризовать как многопользовательскую платформу, состоит из весьма сложных связей по обмену между участниками, так что некоторые товары могут быть переданы от поставщика приобретателю исключительно бесплатно. Одним из примеров бесплатного товара (услуги) на рынке цифровой экономики, имеющего ярко выраженную структуру многопользовательской платформы, являются сайты знакомств, которые доступны пользователю бесплатно. За их использование не взимается плата, однако за определенные функции по предоставлению дополнительных данных, которые упрощают и оптимизируют процесс знакомства, взимается плата, кроме того, присутствует реклама в самом программном обеспечении.

Представляется, что в отношении организаций, структурированных подобным образом, следует учитывать совершенно иные аспекты хозяйственной деятельности: блокирует ли он технически доступ на товарный рынок иным организациям своими действиями, имеются ли у организации исключительные права на интеллектуальную собственность, использование которой позволяет осуществлять деятельность на анализируемом товарном рынке, кроме того, следует учитывать объем потребителей (пользователей), а также частоту обращения этих пользователей к данной платформе.

С учетом изложенного полагаем, что такие методики, как тест SSNIP или метод анализа критических потерь, не вполне соответствуют потребностям анализа цифровых рынков

---

[11] См.: *Сушкевич А. Г.* Указ. соч.

[12] Письмо ФАС России от 3 августа 2012 г. № АК/24981 «О рекламе алкогольной продукции в Интернете и печатных СМИ» // СПС «КонсультантПлюс».

в отношении случаев бесплатного использования платформ, когда начальная цена равна нулю. Стандартный подход предполагает, что спрос на товар зависит от цены, цены товаров-заменителей и цен дополнительных товаров. Однако предельные издержки для пользователей платформ фактически нулевые. Аналогом теста гипотетического монополиста (теста SSNIP), рассматривающего небольшой прирост в цене, может служить изучение небольшого снижения качества интернет-услуги, в том числе оцениваемого как снижение инвестиций в развитие платформы. Любое уменьшение ценности платформы для пользователей может вызвать их переключение на другую платформу.

В настоящей статье показаны лишь некоторые проблемные области и перспективные направления в исследовательском поиске методик совершенствования антимонопольного регулирования и контроля в отношении цифровых финансовых рынков. Сложность темы требует, как представляется, вдумчивого и глубокого изучения феномена цифровых рынков и цифровой реальности в целом для постепенного формирования методологической концепции контроля состояния конкурентной среды и антимонопольных расследований. Также в завершение следует обратить внимание на важность при разработке таких методик учитывать специфику отдельных цифровых рынков, так как универсальные подходы могут оказаться ошибочными в отдельных вопросах, что может привести к неверной оценке конкуренции на рынке в целом и, как следствие, искажениям в антимонопольной политике и затруднениям в достижении искомых экономических эффектов от ее реализации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Сушкевич А. Г.* Институты конкурентного права и новая экономика: как добиться соответствия // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 3.
2. *Ючинсон К. С.* Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 1.

ISSN 2618-8198
Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца. Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 39492.

Вниманию авторов!

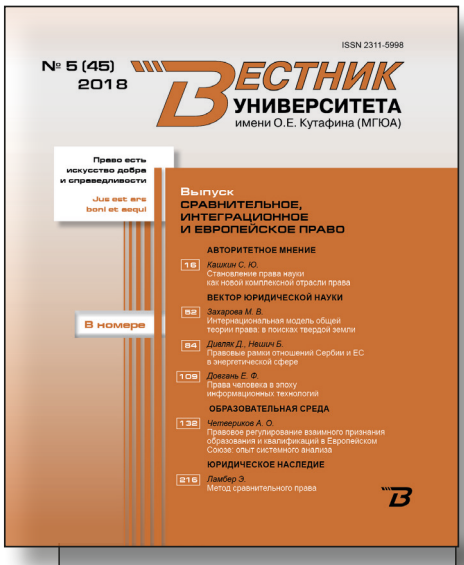
При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на Международный научно-практический журнал «Право и цифровая экономика» /
International research and practice journal «Law and digital economy» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только
по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Учредитель — Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Адрес издателя: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
Почтовый адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

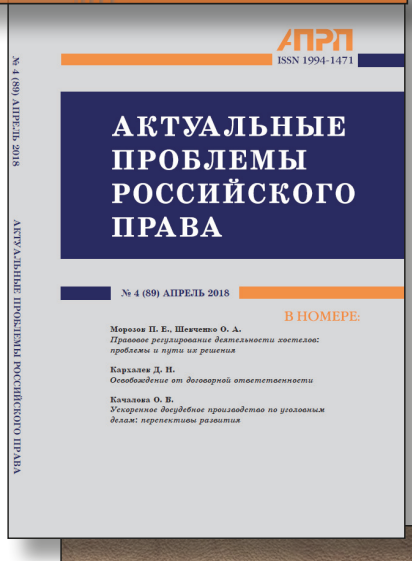
Перевод на английский язык *А. А. Позгорева*

Редактор *Л. А. Мункуева*
Корректор *А. Б. Рыбакова*
Компьютерная верстка: *Д. А. Беляков*

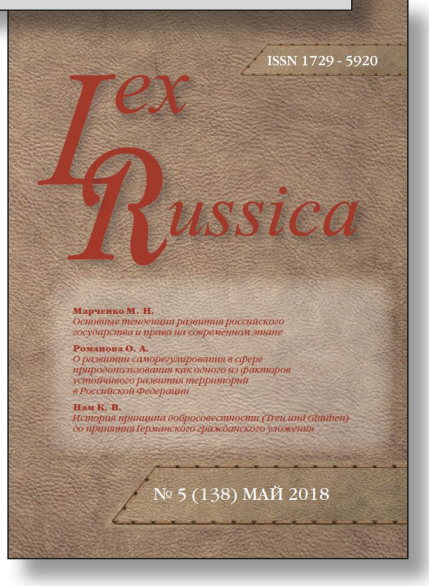
Дата выхода в свет: 01.07.2018. Объем: 8,66 усл.печ.л., формат 60x90/8.
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная.
Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).


ISSN 2311-5998
№ 5 (45) 2018
ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Право есть искусство добра и справедливости
Jus est ars boni et aequi
В номере
Выпуск
СРАВНИТЕЛЬНОЕ, ИНТЕГРАЦИОННОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ
16 Кашкин С. Ю.
Становление права науки как новой комплексной отрасли права
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
82 Захарова М. В.
Интернациональная модель общей теории права: в поисках твердой земли
84 Дивляк Д., Нешич Б.
Правовые рамки отношений Сербии и ЕС в энергетической сфере
109 Довгань Е. Ф.
Права человека в эпоху информационных технологий
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА
132 Четвериков А. О.
Правовое регулирование взаимного признания образования и квалификаций в Европейском Союзе: опыт системного анализа
ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
216 Ламбер Э.
Метод сравнительного права

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В КИТАЕ И РОССИИ
中俄法学
№ 1 / 2016
ЕЖЕГОДНИК
В НОМЕРЕ:
Интерпретативная теория права
Правовое регулирование конфликта интересов на государственной гражданской службе
Внедрение инноваций в антикоррупционный режим и путь Китая к «управлению на основе законов»
Уголовно-правовая характеристика непреодолимой силы
Незаконная миграция населения: причины и условия


АПРП
ISSN 1994-1471
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА
№ 4 (89) АПРЕЛЬ 2018
В НОМЕРЕ:
Морозов П. Е., Шевченко О. А.
Правовое регулирование деятельности хостелов: проблемы и пути их решения
Кархалев Д. Н.
Освобождение от договорной ответственности
Качалова О. В.
Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития

KUTAFIN UNIVERSITY
LAW REVIEW
www.kulawr.ru


ISSN 1729 - 5920
Lex Russica
Марченко М. Н.
Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе
Романова О. А.
О развитии саморегулирования в сфере природопользования как одного из факторов устойчивого развития территорий в Российской Федерации
Нам К. В.
История принципа добросовестности (Treu und Glauben) до принятия Германского гражданского уложения
№ 5 (138) МАЙ 2018

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)
РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 1 / 2017
WWW.RUS-LAW.ONLINE

ISSN 2618-8198

Free price.

Subscription is possible starting from any month. Subscription index in the united catalogue "Pressa Rossii" 39492

To the attention of the authors:

When using the materials publishing in the International research and practice journal "Law and Digital Economy", the reference to the edition is mandatory. The materials can be reprinted in full or in part only by the prior written consent of the authors of the contributions or the Editorial. The opinion of the Editorial may not coincide at all times with the opinion of the authors of the publications.

Translation into English *A. Pozgoreva*

Editing *L. Munkueva*

Proofreading *A. Rybakova*

Desktop publishing *D. Belyakov*

Founded by Kutafin Moscow State University (MSAL), 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Postal address of the Editorial: 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya, 9.

Issue date 01.07.2018. Volume 8.66 printed sheets. Format 60x90/8. 150 printed copies. Digital Printing. Offset paper.

Printed by the Publishing Center of Kutafin Moscow State University (MSAL).

of goods, it can be concluded that the geographical boundaries of the market should be determined by the degree to which citizens of a particular country or region are being targeted in sales of goods.

Considering the problems of antimonopoly aspects of the digital economy further, it should be noted that the most important issue that is also subject to analysis in assessing the state of competition in the commodity market is the market power of economic entities, namely, the dominant position and concentration in the commodity market as a whole. In cases where the goods are provided to the final buyer in exchange for cash, the share of an economic entity can be determined using the tools that are applicable to traditional commodity markets; however, market power is especially difficult to assess when organizations offer free services to consumers in exchange for data.

Many digital economy markets which can be described as multi-user platforms consist of extremely complex connections of exchange between their participants, and some goods can be handed over from the supplier to the customer totally free of charge. Dating sites are an example of free goods (services) on the digital economy market with a clear multi-user platform structure: these are available to the user free of charge but provision of additional data that simplify and optimize the dating process requires a fee; the software itself also displays advertisements.

It seems that, with respect to organizations structured likewise, absolutely different aspects of economic activity should be taken into account: whether their actions technically block access to commodity market for other organizations; whether the organization holds exclusive rights to the intellectual property whose use allows to carry out activities on the analyzed product market; in addition, the volume of consumers (users) and the frequency of their use of the platform should also be considered.

In view of the above, we believe that the methodologies such as SSNIP test or the method of critical loss analysis do not fully correspond to the needs of digital markets analysis in cases of free platform usage with zero initial cost. The standard approach assumes that the demand for goods depends on their price, the prices of alternative goods and the prices of additional goods. However, the marginal costs for platform users are, in fact, zero. An analog of Hypothetical Monopolist Test (SSNI) that considers a minor price increase, can be the study of a minor quality decrease of an online service, including if evaluated as a reduction in investment for the development of the platform. Any decrease in the value of the platform for users can cause their switch to another platform.

This article reveals only some of the problematic areas and prospective trends in the research and investigation of methods for improving antimonopoly regulation and control of digital financial markets. The complex nature of the subject in question apparently requires a serious in-depth study of digital markets phenomenon and digital reality in general for the gradual formation of a methodological framework for control of the state of competitive environment and antitrust investigations. Finally, it is important to take into account the specifics of individual digital markets when developing such methods: with regards to certain aspects, universal approaches may prove to be erroneous and lead to an incorrect evaluation of competition in the market as in general, and as a result, distortions in antitrust policy and the difficulties in achieving the desired economic effects of its implementation.

technologies that meet the challenges of Big Data to identify the actions that violate antitrust laws or could potentially lead to deterioration of competitive environment. For example, the acts adopted in foreign countries propose preventive measures allowing to spot violations, e.g. differentiate between competition and collusion based on observation results (commonly known as screening methods[7]) that would prevent violations of antitrust laws.

The problem of Big Data is associated with that of entry barriers. Thus, Big Data should also be considered as entry barriers to commodity market in the event when an economic entity has its products circulated in the market without being changed fees for it, however, at the same time, it has technological capabilities for processing and analysis of large amounts of information.[8]

Also, barriers in digital economy markets may include high-cost capital investments in computing powers; this this evident with the market of payment system services provided by payment system operators for transactions with bank cards. I.e. approximate calculations show that 30 banks-issuers of MIR payment system bank cards will have to spend the amount of 12 million dollars.[9]

Along with financial investments in computing capacities, it is also worth noting of a network effect in digital economy markets, which, depending on the commodity traded on the market, which can serve as a hard-to-overcome barrier. Thus, international payment systems operate in the form of a bilateral network market based on a platform. The analytical center under the Government of the Russian federation noted that cardholders tend to choose the payment systems whose cards accepted by a large number of traders; traders, in turn, accept the cards of the payment systems with many cardholders. [10]

Drawing parallels with other digital markets where the so-called platform tool is successfully used, the example of taxi passenger transportation market is noteworthy. It has undergone significant changes in the 2012-2015 time period when players such as GettTaxi, Uber, YandexTaxi forced out of the market the taxi companies of classic and traditional types with their own cars and drivers by capturing the client search and car provision functions from traditional market operators and, most importantly, eliminating any potential uncertainty in commercial conditions of transportation.[11]

Some concerns also arise in connection with the definition of geographical market boundaries and geographical identification of business entities — actors in the chain of digital services and markets. Out of the specifics e-commerce markets, where the achievements of modern communication means are used in sales of goods, it can be concluded that the geographical boundaries of a market should be determined by the degree to which citizens of a particular country or region are being targeted in such sales of goods. It should be noted that computing capacities (servers) located in the territory of a certain country cannot be considered as a feature that determines the geographical boundaries of a market of payment system services. Thus, servers, operational and clearing centers are only a tool of the payment service itself, similar to a bank card; therefore, identifying geographical boundaries by the location of 'computing' centers would be erroneous when applied to payment services market.

Digital economy correlates with the concept of 'geographical market boundaries' rather conventionally in the classical sense as the activities are carried out via the Internet. However, it is possible to propose or adopt as basis the approach that the actions of an economic entity are extended to a certain country if the website of an economic entity is registered in the domain zones of the country concerned, and the information is provided in its language.[12] So, in accordance with the peculiarities of e-commerce markets, where achievements of modern means of communication are used in sales

---

[7] See: OECD. Roundtable on Ex Officio Cartel Investigations and the Use of Screens to Detect Cartels. Background Note for Competition Committee // URL: http://www.oecd.org/daf/competition/exofficio-cartel-investigation-2013.pdf.

[8] See: Report by the Autorité de la Concurrence and Bundeskartellamt. Competition Law and Data. May 10, 2016 // URL: http://www.autoritedelaconcurrence.fr/doc/reportcompetitionlawanddatafinal.pdf.

[9] See: Zapusk platezhnoy sistemy dlya emissii kart 'Mir' oboidetsya bankiram v 12 mln. dollarov (Launch of Mir payment system to cost bankers 12 million dollars) // Banki.ru new portal. URL: http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8232006.

[10] See: Antimonopol'noye regulirovaniye dvustoronnikh rynkov: postanovka problem (Antitrust regulation of two-sided markets: stating the problem) // Bulletin "V razvitii konkurentcii". September 2016.

[11] See: *Sushkevich A. G.* Op. cit.

[12] Letter of Federal Antitrust Service of Russia № AK/24981 of 3 August 2012 "O reklame alkogol'noy produktsii v Internete i pechatnykh SMI" ("On advertising alcohol products in the Internet and print media") // SFOR KonsultantPlus».

through regulation of the behavior of economic entities"[4] in the sphere of digital economy becomes urgent.

However, the existing legal framework of competition protection, including antitrust legislation and by-laws (above all, Order No. 220 of the Federal Antimonopoly Service of Russia of 28.04.2010 "On Approving the Procedure for Analysis of State of Competition on the Commodity Market"[5], hereinafter — Procedure for Analysis), and similar acts of the Eurasian competition law, are not adapted for investigation in digital markets. In practice, the digital reality demonstrates a whole range of phenomena, approaches and concepts which make it difficult to apply the existing conceptual apparatus and the existing methods in full.

Despite the fact that the abovementioned Procedure for Analysis provides a toolkit for evaluating a widest range of markets, there are some concerns regarding the adequacy of methods and reliability of results of analysis when applied to digital economy market (as noted, it is increasing its volume and impact compared to traditional sectors). This work aims to clearly demonstrate some of the problems in question, as well as suggest possible ways and tools for improving the methodology for analysis of the state of competition, using the example of some individual digital markets.

To determine key indicators and values, such as product market boundaries; geographical market boundaries; composition of economic entities; volume and shares of economic entities; level of market concentration; barriers of market entry; dominant position of economic entity specialized methods and tools are required to get a comprehensive picture of the state of competition in the commodity market in digital economy.

First and foremost, item 1.5 of Procedure of Analysis provides a list of information sources acceptable for analyzing the state of competition in the commodity market. However, the commodity markets that can be attributed to the digital economy require more advanced sources of information such as cached pages of Internet sites and the information received via the Internet through specialized software. The use of these sources will enable antitrust authorities to increase efficiency of the analysis of the state of competition in commodity markets in general; moreover, the sources of information currently used exclusively with regards to commodity markets of digital economy do not fully reflect the overall state of competition.

In view of the problem, it should be noted first that the inherent specifics of many digital markets is the ability to operate with large data volumes which is an undeniable competitive advantage. At present, technological and computing capacities have developed to a level when it becomes most beneficial to not only store large amounts of information, but also analyze and apply the obtained information to various economy sectors. For instance, the market participants of payment services provided by payment systems for transactions with bank cards possess computing capacities and an infrastructure that allows processing of large data volumes during all transactions, therefore processing and analysis of these data do not require additional large costs.

Concerning conglomerate trends and economic expansion of the subjects of digital markets, it should be noted that the obtained information can be used not only for the development of a relevant market segment. Thus, the information held by the market participants of payment services provided by payment systems operators for transactions with bank cards is valuable for working with numerous market segments of economy as a whole. The data on the age of consumers buying a particular product or service, or the number of transactions using certain card type, etc. is valuable because it shows what consumers spend their money on, the categories of these consumers, their geographical location, etc. This phenomenon of digital economy and markets is associated with the notion of the so-called Big Data.

The significance of this phenomenon is noted both by Russian and legal researchers and economists. Considering the problems of Big Data in modern digital economy in the context of antimonopoly regulation, K.S. Yuchinson[6] notes that Big Data, being a source of progress and development of information technologies, in the hands of unfair business entities may potentially act as a restrictive instrument and prevent or even eliminate competition in the commodity markets.

In this connection, the state, including antitrust authorities, should be well equipped with

[5] Federal Antitrust Service of Russia of 28.04.2010 № 220 "On Approving the Procedure for Analysis of State of Competition on the Commodity Market" // Bulletin of statutory acts of Federal Executive Authorities. 2010. № 34.

[6] See: *Yuchinson K. S.* Bol'shie dannye i zakonodatel'stvo o konkurentsii (Big Data and Legislation on Competition) // Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Economiki. 2017. № 1. P. 216—245.

K. A. Pisenko*,
E. G. Gasparyan**

CURRENT ASPECTS OF METHODICAL SUPPORT FOR RESEARCH OF COMPETITIVE ENVIRONMENT CONDITION IN DIGITAL MARKETS[1]

Abstract: The article is devoted to the problematics of methodological support for research of competitive environment in digital markets; the concepts in consideration include the so-called big data, the concept of platform, specifics of entry barriers, the definition of geographical boundaries, market power and other factors and features in the arrangement and functioning of digital markets, essential for efficient research of condition of competitive environment on digital markets.

Keywords: digital markets, antitrust control, condition of competitive environment, commodity market analysis, big data, entry barriers, geographical market boundaries, market power.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.031-034

Today, many economic transactions, including transboundary, and digital activities of business entities are becoming increasingly widespread. Traditional ways of business operations become secondary, with digital communications coming to the forefront of modern economy; more and more areas of traditional economy are integrated within the Internet, causing the expansion of the network coverage area. As part of the global community, the Russian Federation follows these trends with the aim to increase (as believed) the efficiency of various types of production, technology, equipment, storage, sale, delivery of goods and services. One of the stated goals of the information society development in the Russian Federation is the introduction of data processing technology to reduce production costs of goods and provision of services, as well as establishing digital economy[2]. In accordance with this general vector, the trend of sectoral regulation are also being adjusted. Thus, there is a stated need to improve the antitrust legislation with a view of developing the digital economy and increase efficiency of regulation for issues affecting the state of competition in the Russian Federation.[3]

Modern economic realities, ways and methods of conducting economic activity are strikingly different from the past economy which is even not that much distant (i.e. 70s-80s of the XX century). Along with the development of economy, the question of "the efficiency of competition law institutions and their ability to protect competition

© Pisenko K. A., Gasparyan E. G.

* Pisenko K. A.,
PhD, Associate Professor, Professor of Financial Law Department,
Russian State Academy of Justice;
Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law,
Law Institute of People's Friendship University of Russia
** Gasparyan Eduard G.,
PhD student of Department of Financial Law, Russian State Academy of Justice

[1] The article is prepared with the information support of the SFOR «ConsultantPlus».

[2] See: Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 № 203 "On the 2017—2030 Strategy for the Development of an Information Society in the Russian Federation"// Sobranie zakonodatel`stva Rossii`skoi` Federatcii. 2017. № 20. Art. 2901.

[3] See: Order of the Russian Federation Government of 28.07.2017 № 1632-p «On approving the program "Digital Economy of the Russian Federation"» // Sobranie zakonodatel`stva Rossii`skoi` Federatcii. 2017. № 32. Art. 5138.

[4] See: *Sushkevich A. G.* 'Instituty konkurentnogo prava i novaya ekonomika: kak dobitsya sootvetstviya' // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika (Institutions of competition law and the new economy: how to reach a consensus. 2016. № 3.

acquitted, the person against whom proceedings are being conducted in the case of administrative rights violation; also of the court secretary and the judge (judges) who consider (considered) the case, as well as the public prosecutor, the lawyer and the representative, if they have participated in the proceedings. Instead of the removed personal data, initials, pseudonyms or other designations are used that do not allow identifying the participants of the proceedings. When the texts of judicial acts with provisions that contain any information constituting a state secret or other law-protected secret are posted in the Internet, these provisions shall be excluded from the content of judicial acts. The data that can not be posted in the Internet network are listed in Paragraph 5 of Art. 15 of the Federal Law.

Based on the above, the following conclusions can be made. The rapid development of modern technologies allows us to make confident steps towards developing a range of systems and their improvement — even in the massive judiciary system. Based on the comparison of the systems used in the Russian Federation and in Singapore, it can be concluded that the former is not yet fully developed, with gaps in document registration and distribution process, and insufficient level of access provided to persons involved in the case. The system seems to be developed without the consideration of the opinions of all parties interested in the process of improving and developing justice.

The Decree of the Government of December 27, 2012 approved the Federal Target Program "Development of judicial system in Russia in 2013-2020 which implies the development and improvement of information technologies in legal proceedings, introduction of required software, and financing the stages of the program in a variety of ways. The stipulated measures are aimed at enhancing the quality of justice and judicial protection of rights and legitimate interests of citizens and organizations. Among other things, the program implies transition to electronic cases and electronic document management. Hopefully, by 2020, in the 21st century as the era of technology development and improved electronic programs and systems, the document workflow in our overloaded courts will become fully electronic, and prevent the staff of courts from paper bureaucracy.

REFERENCES

1. *Vorozhbit S. P.* Elektronniye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse (Electronic means of proof in civil and arbitration proceedings): Synopsys of Law PhD thesis. — St. Petersburg, 2011. — 25 p.
2. *Reshetnyak V. I.* Elektronnoye pravosudiye v grazhdanskom protsesse Singapura // Rossijskiy Juridicheskij Zhurnal (E-justice in civil litigation in Singapore) // Rossii`skii` iuridicheskii` zhurnal. — 2012. — № 2.
3. Russian courts will be modernized // Rossiyaskaya gazeta. — May 27, 2011.
4. *Fedoseeva N. N., Chaykovskaya M. A.* Ponyatiye i suchshnost elektronnogo gosudarstva (The concept and essence of the concept of electronic state) // Rossiiskaya justitsiya. — 2011. — № 11.

parties do not participate in registration and redistribution of incoming correspondence (applications). The document flow is fully electronic and, at any time of the proceeding, the court is able to access the system and obtain the necessary document provided by the persons participating in the case.

It seems necessary to entirely move to electronic document management, which is in full compliance with the principles stated in the Government Decree of 27.12.2012 "On Federal Target Program "Development of Judiciary in Russia for 2013-2020" — to reduce the workload of judges and court staff through optimization of judicial procedures.

By all means, we will be faced with the information security aspect; access to information only for participating individuals and their procedural status; provision of physical evidence to the case. But the practice of considering cases within the simplified procedure in arbitration courts shows that these challenges are solvable. At the same time, Federal Law N 149-ФЗ of 27.07.2006 "On Information, information technologies and protection of information" and Art. 16 in particular provides for the adoption of legal, organizational and technical measures aimed to protect information and access to information posted in the information and telecommunications system.

As for provision of physical evidence for the case in digital format, the following should be mentioned. In the Russian Federation, currently effective is Federal Law of № 63-ФЗ 06.04.2011. "On electronic signature". Art. 5 of this law provides for 2 types of electronic signature:

— simple electronic signature;
— enforced electronic signature.

A simple electronic signature confirms the fact of forming an electronic signature by a certain person by using codes, passwords and other means.

The law states, that qualified electronic signature is a signature obtained through converting information using an electronic key. Electronic signature defines the person who signed the document and identifies the changes in the document after it has been signed.

A qualified (enhanced) electronic signature is an electronic signature that had all features of unqualified electronic signature and also some additional features:

1) the key for electronic signature verification indicated in the qualified certificate;
2) electronic signature means with confirmed compliance with the requirements are used for the creation and verification of the electronic signature

Apparently, the persons participating in the case can use the enhanced electronic signature to provide substantive evidence for the case.

So, why electronic cases are convenient to have? The participants of the case will not have to arrive to court in person if they need to access the materials of the case. It is also convenient for the court, as it will be able to transfer cases between various authorities, without having to register interim certificates (cover letters).

However, speaking of electronic justice system in Singapore, it implies that the user is registered as a participant of the court proceedings. Following the registration, the user receives a digital certificate that enables him to access the electronic case and use the services provided by the system. The certificate allows to receive from court the information on the registration of any document received. Further, the certificate of the document registration can be used as the evidence that the document was submitted to court.

In the US, it is also possible to interact with the court through electronic document management. The process participant is provided with an electronic key for access to materials of proceedings, which enables to monitor all documents incoming from the other party and see the actions taken by the court. Thus, online interaction leads to an accelerated and simplified information exchange; however, it is necessary that all parties are interested in fully electronic document circulation, and not a mere duplication of the process, as in Russia (the document submitted online is also sent by mail plus additionally submitted to the court registry).

According to item 4 of Art. 10 of Federal Law N 262-ФЗ of 08 of 22.12.2008 "On providing access to information on courts' operation in the Russian Federation", in order to ensure the right of users to access information, measures of information protection are implemented by courts, the Judicial Department, and the judiciary. Items 3 and 4 of Art. 15 of the Federal Law state: when texts of judicial acts issued by general jurisdiction courts are posted in the Internet (except for those subject to publication in accordance with the law), for safety of participants in the judicial process, the personal data must be removed from the acts, except the last names and the initials of the plaintiff, the defendant, the third party, the civil plaintiff, the civil defendant, the convicted person, the

strengthening constitutional principles and foundations in delivering justice. The system of electronic justice is based on the principles of transparency, ensuring the right of access to information on the courts' activities, which simplifies the interaction with them though electronic document management. Thus, item 4 of art. 131, Civil Procedure Code (CPC) of the Russian Federation states that the statement of claim can be submitted to court by filling the form available from the official site of the court in the Internet information and telecommunication network. Item 1 of art. 125 of the Arbitration Procedure Code (APC) of the Russian Federation states that the statement of claim can also be submitted to the arbitration court by filling the form available from the official website of the arbitration court in the Internet information and telecommunication network.

The relevance of the topic is question is beyond doubt. The Resolution of Government No. 1406 of December 27, 2012 "On Federal Target Program "Development of judicial system in 2013-2020" set the goals, including the below:

— improved quality of justice;
— improved judicial protection of rights and legitimate interests of citizens and organizations

To implement these goals, the program provides for the solution of the below objectives:

— creation of conditions for delivery of justice;
— independence and accessibility of justice;
— transparency and accessibility of justice, etc.

The above-mentioned program also envisages creation of conditions for electronic legal proceedings with simplified procedure for filing lawsuits and complaints in electronic form, obtaining copies of documents and accessing materials of the case, arranging scanning of all incoming documents to arbitration courts and compiling of electronic cases.

To date, establishing electronic cases appears relevant in view of the following.

As of 12.11.2017 and since the beginning of 2017, the Arbitration Court of Moscow received 214,487 (two hundred and fourteen thousand, four hundred eighty-seven) lawsuits[1]. Therefore, the workload per judge is on average 221 cases a month. Within the same period, 92,979 (ninety-two thousand nine hundred and seventy-nine) lawsuits were submitted to the Arbitration Court of the Moscow Region[2], where the workload per judge was on average of 206 cases monthly. Claims are submitted to arbitration courts in accordance with the procedure stipulated in Clause 1 of art. 125, Arbitration Procedural Code (APC) of the Russian Federation.

Chapter 29 of Arbitration Procedure Code of the Russian Federation stipulates a simplified procedure for considering cases. This chapter, and in particular, item 1 of Art. 228 of APC stipulates that the statement of claim, the application for the case specified in part 1 or 2 of Article 227 of the Code, and the documents filed together with such application may be submitted to arbitration court on paper or in electronic format. Such application is to be posted on the official website of the arbitration court in the Internet information and telecommunications network in restricted access mode no later than five days from the date when the statement of claim was accepted.

As follows from Art. 228, APC of the Russian Federation, statements of claim accepted by the court in the simplified procedure are posted online, in restricted access mode. Each case is assigned an individual code further used by the parties who participate in the case to view any materials of the case at the electronic justice website kad.arbitr.ru. If additional documents are submitted after the court has already accepted the statement of claim following the simplified procedure, these shall be scanned allowing the case participants to also view them online in the Internet.

Logically, a question arises: why not make all cases completely electronic? Get rid of paper waste and piles of cases in courts as it's already hard to find a storage place for them; save the efforts of the courts' staff when searching for the needed case, especially if it dates back to some prehistoric year? Why not make the life of courts easier, since the number of incoming cases increases year-on-year, and the courts are not rubber. Sooner or later, even the most advanced Arbitration Court of Moscow will face the problem of where to store this all.

In Singapore, the electronic system for document filing to court has been in place since 1997. An electronic document submitted to court is automatically verified for compliance with legal requirements, without any the intervention of the court personnel, and sent to the right register for processing and registration. The system automatically distributes the further movement of documents in court, considerably reducing the time of consideration of the application, and the loss of documents in court is prevented as third

[1] Statistics provided by the Arbitration Court of Moscow // URL: http://www.msk.arbitr.ru/ (as of 12.11.2017).

[2] Statistics provided by the Arbitration Court of the Moscow region // URL: http://www.asmo.arbitr.ru/ (as of 12.11.2017).

E. O. Poddubny*

ELECTRONIC JUSTICE, ENHANCING THE QUALITY OF JUSTICE, IMPROVING JUDICIAL PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS, MODERN TECHNOLOGIES, ELECTRONIC DOCUMENT CONTROL

Summary. The article provides an analysis of operational aspects of electronic justice system, its relevance, and the need to enhance the system of electronic justice.

Keywords: Electronic justice, enhancing the quality of justice, improving judicial protection of entrepreneurs' rights, modern technologies, electronic document control.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.027-030

It would be difficult to imagine the modern world without technology such as PCs, phones, the Internet and other multifunctional gadgets: today, all spheres of human life become digitalized. The Order of Government № 1632-p of 28.07.2017 approved the program "Digital Economy of the Russian Federation" aimed to create favorable conditions for the development of digital economy with digital data as the key production factor for any spheres of social and economic activities, which ensures effective interaction of business, research and educational community, the state and the citizens.

The Order of the President № 203 of 09.05.2017 "On the 2017-2030 Strategy for the Development of an Information Society of the Russian Federation" put forward the creation of conditions for the formation of a knowledge society, promoting the national interests such as:

— development of human potential;
— security provision;
— development of free, stable and safe interaction between citizens, organizations, public authorities of the Russian Federation and local self-government bodies;
— increased efficiency of public administration and development of economy and social sphere;
— establishing digital economy.

Among other items, provision for national interests in implementing the strategy is ensured by keeping with the priorities below:

— establish an information environment taking into account the needs of the society in obtaining high-quality and reliable knowledge;
— develop the information and communication infrastructure in Russia;
— establish a new technological basis for economic and social development;
— ensure national interests in the sphere of digital economy.

The strategy provides for the development of information environment through development of research, educational projects, creation of interrelated knowledge and representations, provision of safe environment for children, and the support of traditional forms of knowledge sharing. The document also stipulates a comprehensive program for development of the information and communication structure in the Russian Federation.

Russia's judicial system did not stand aside as well. Russia is making confident steps towards

© Poddubny E. O.

* Poddubny E. O.,
Student of Faculty of Law, Moscow State Regional University Secretary of the Court Session, Moscow Arbitration Court

In this regard, the possibility to regard smart contract as an independent type of contracts or transactions in civil law sense needs to be evidence-based. If it is a question of comparing the concept of smart contract with the traditional approach to the institution of civil law contract, then this concept would be the closest to the traditional form of contract which, however, is not limited to electronic form only but should be defined precisely through the concept of the execution algorithm. Today, researchers understand electronic form of transaction as information is transmitted via electronic or other communication channels, including information and telecommunications network Internet (e-versions of the signed deals, etc.). L.G. Efimova explains: if the electronic document includes details of the relevant agreement (offer, acceptance), then the transaction is said to be concluded in electronic form[18]. Obviously, the actual concept of smart contract established in the practice of its application does not correspond to concepts of electronic form of a document or transaction, electronic public offer, acceptance, etc. Therefore, it seems premature to assume that, using an electronic offer, it is possible to implement a digital asset by concluding a self-executable smart contract, as follows from the Draft Law by the Ministry of Finance. After all, "the publication by issuers of tokens of an offer in the Internet containing to purchase the tokens issued by them" is a part of the issuance procedure, and not a public offer in electronic form, the electronic acceptance of which automatically leads to conclusion and automatic execution of a smart contract. On the contrary, self-execution of a contract is a qualifying characteristics of a smart contract, which is predetermined by its existence in the form of a program code, which however is not an exclusive form of such contract.

If the stated advantage of distributed registry technology is the opportunity to "work honestly where the rules are equally applicable to all"[19], legislation should also enforce creation of such conditions: the rules should be clear and transparent.

REFERENCES:

1. *Breu S., Seits T. G.* Legislative Regulations to Prevent Terrorism and Organized Crime from using Cryptocurrencies and its Effect of the Economy and Society // Pravovoye vozdeystviye na ekonomiku: metody, rezul'taty, perspektivy. Collective monograph/ Chief Editors V. A. Vaypan, M. A. Egorova. — M. : Yustotsinform, 2018. — P. 262—286.
2. *Vaypan V. A.* Pravovoe regulirovanie tcifrovoi` e`konomiki (Legal regulation of digital economy) // Pravo i biznes. Addendum to journal "Predprinimatel'skoye pravo". 2018. № 1. P. 12—17.
3. *Vaypan V. A.* Osnovy pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki (The bases of legal regulation of digital economy) // Pravo i ekonomika. — 2017. — № 10. — P. 5—18.
4. *Efimova L. G.* Pravoviye osobennosti elektronnoy formy bankovskikh sdelok (Legal specifics of banking transactions in electronic form) // Vestneyk Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUA). — 2017. — № 1. — P. 22—41.
5. *Mougayar* W. The Business Blockchain / Introductory word by V. Buterin. — M. : Eksmo. 2018.
6. Pravovoe regulirovanie kriptovaliutnogo biznesa (Legal regulation of cryptocurrency business) // URL: http://axon.partners/wp-content/uploads/2017/02/Global-Issues-of-Bitcoin-Businesses-Regulation.pdf.
7. *Ruchkina G. F.* Bankovskaya deyatel'nost: perekhod na novuyu model' osushchestvleniya, ili "Fintekh" kak novaya real'nost' (Banking activity: transition to a new model of operation) // Bankovskoye pravo. — 2017. — № 4. — P. 55—62.
8. *Savitskaya K. D.* Tsifroviye aktivy: teoriya i pravovoye regulirovaniye na primere Soedinennykh Shtatov Ameriki (Digital assets: theory and legal regulation on the example of United States) // Vestneyk Polotckogo gosudarstvennogo universiteta. — Series D. Economic and Legal Sciences. — 2015. — № 5.

[18] *Efimova L. G.* Pravoviye osobennosti elektronnoy formy bankovskikh sdelok (Legal specifics of banking transactions in electronic form) // Bulletin of Kutafin Moscow State Law Academy (MSAL). 2017. № 1. C. 22 — 41.

[19] URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/06/top-10-emerging-technologies-2016.

operate 'almost as a database' but with some of its stored information (its header) being publicly available to participants of the distributed network.

Thus, the developers of the bill justly attempted to get away from the existing and established term 'database' and replace it with 'record database'. At the same time, apparently a more effective way to resolve the problem would be to amend provisions of part 4 of the Civil Code of the Russian Federation that would allow to establish the regime of databases created and used with the help of distributed registry technology, unprotected regardless of the amount of the added data introduced or their creative origin.

It is important what is understood under predefined algorithms of storage, creation and update of digital transactions database.

GOST R 8.883-2015 states that software algorithms are sequences of arithmetic and logical operations with measurement data (with the account of apriori information) used to determine measurement results and to store, protect and share measurement information[13]. The algorithm is used in computer software elements as a result of intellectual activity. However, the exclusive right to use software commands, codes and algorithms separately from software as a result of intellectual activity in general is not stipulated by law, which is confirmed by judicial practice[14]. Therefore, a reference to algorithm in the definition of distributed register of digital records does not imply that algorithm is a protected object of exclusive rights.

This is merely an indication that the order and nature of software operation, e.g. of a PC application, shall be based on the principle of decentralization, etc. At the same time, the mention of algorithm as a notion fixed by law requires more attention. The architecture of any technology is not possible without software (implementation of the so-called platform), which itself shall a protected object of intellectual property rights.

Smart contract is, undoubtedly, the main concept of digital economy. According to Draft Law, it is an electronic contract, fulfillment of rights and obligations under which is carried out by automatic transfer of digital transactions in a distributed register of digital transactions in a strictly defined sequence and upon certain circumstances. Protection of the rights of the participants (parties) of the smart contract follows the procedure similar to the procedure of rights protection for the parties of a contract concluded in electronic form.

Advocating new technologies for business, W. *Mougayar* points out that blockchain technology based on distributed registry method affects the way applications are written: a new form of scripting languages are used to design business logic, similar to 'smart' contracts that are applied with blockchain[15]. At the same time, the difference of these new contracts from all known to different legal orders is their so-called self-execution. In our opinion, the concept of smart contract should not be limited to the electronic form of concluding a contract. Therefore, it seems rather controversial to state that "changes to the Civil Code are necessary with regards to transactions made in electronic form to ensure effective electronic civil circulation and the balance of rights and obligations of the contract parties, and protection of the weaker party" [16]. The design of smart contract is applicable only in cases where it is possible to perform an algorithmic implementation of the obligation recorded in it. That implies an exchange of a certain 'digital benefit' for some other digital value using software.

For example, the platform for carbon market operates with units that in fact constitute a homogeneous basic asset — the right to emit greenhouse gas[17]. The asset can be used by almost unlimited number of users, from international and state structures and transnational corporations to private companies or individual consumers of goods and services. The asset can be created anywhere in the world and does not require physical transportation thus allowing operations of registration and assignment of 'carbon' assets and liabilities, as well as choice of objects for investment automatically in exchange for certain counter value — in most cases, cryptocurrency.

---

[13] GOST (State Standard) P 8.883-2015. Natsional'ny standart Rossijskoy Federatsii. Gosuderstvennaya sistema obespecheniya edinstva izmerenij. Programmnoye obespecheniye sredst izmerenij. Algoritmy obrabotki, hraneniya, zashchity I peredachi izmeritel'noy informatsii. Metody ispytanij (National standard in the Russian Federation. State system of measurements unification. Algorhythms of processing, storing, protection and hand over of measurement information. Testing methods) (approved and introduced in action by the Order of Rosstandard of 28.04.2015 № 307-ст).

[14] Resolution of the Arbitration Court of Moscow of 08.04.2015 for case № A40-56211/14-90-70.

[15] *Mougayar W.* Op. cit. P. 35.

[16] *Vaypan V. A.* Pravovoe regulirovaniye tsifrovoy ekonomiki (Legal regulation of digital economy) // Pravo i biznes. Addendum to 'Corporate Law' journal. 2018. № 1. P. 12—17.

[17] URL: http://www.forbes.ru/tehnologii/340223-neobhodimyy-blokcheyn-komu-nuzhna-tehnologiya-raspredelennogo-reestra.

replication — from complete lack of information duplication up to full duplication of all information in all distributed copies (an example of the latter is blockchain technology).

Thus, the approach chosen for the Draft Law in Russia considers distributed register as a method of storing records and authentication, which may be based on blockchain or any other technology.

At the same time, the Draft Law uses the concept of 'distributed register of digital transactions' with reference to a systematized database of digital transactions stored and created and updated simultaneously on all storage media with all members of the registry, based on predetermined algorithms that ensure its identity with all registry users.

It is proposed to distinguish this concept and the concept of 'digital transactions register', which is a systematized digital records base created at a certain point in time.

Thus, distributed register of digital transactions is defined as a systematized database of digital records that are stored, created and updated in specific (decentralized) mode. The above definitions offer an attempt to describe the concept of register as such, and its distributed nature. The concept of transactions here, apparently, corresponds to the notion of a record. The indication of the digital form of the record in this case is intended to emphasize that it is electronic. In this regard, it seems important to discuss how to consolidate the notion of distributed register of digital transactions in the Russian legal order and to what extent it will be universal regardless of the branch of the law where it is fixed.

Innovative technology experts and stakeholders of the developing digital business processes explain that the architectural layers of blockchain as a technology associated with distributed registry method consist of several items: a database, a software application, several computers connected to each other, clients who have access to it, the underlying software environment, control instruments, etc. [9] This shall be true for any case when a similar registry technology is used.

As pointed out by V.A. Vaypan, a new trend of legislative activity is to create legal conditions for the use of decentralized register maintenance technologies and certification of rights[10]. However, the Draft Law of the Ministry of Finance practically does not consider unilateral (indirect) transactions which can correspond to statements of certification to confirm that a certain record exists/was added to the register. In an attempt to deal with financial legislation-related issues, the Ministry of Finance — apparently unreasonably — narrowed the definition of distributed register. To apply the distributed registry technology for actual rights establishment, to record legally significant facts, for evidence in the process, the legislation requires a direct indication. Most likely, it should not be within the law "On Digital Financial Assets", but at the same time, the Law without such input is unlikely to be successfully implemented. As one of basic end-to-end digital technologies, it needs to be legally established to implement the Digital Economy program[11].

Furthermore, the Draft Law also does not clearly reflect one more characteristics of register. In actual fact, distributed data register (including digital records and transactions) includes two components: a database of fact records and a register of transactions related to these facts.

It should be noted that distributed database registry differs from the concept of database used in the Russian legislation as a protected object of intellectual property rights. G.F. Ruchkina, with reference to electronic resources, indicates that blockchain (distributed register) is a new form of database that allows a large group of participants to obtain common data almost simultaneously, in a completely decentralized way with an unprecedented level of confidentiality[12]. However, this is not quite true.

Strictly speaking, in the Civil Code of the Russian Federation database is understood as a set of independent materials (articles, calculations, normative acts, judicial resolutions and other similar materials) presented in an objective form and systematized so that they can be found and processed using an electronic computing machine (art. 1260 of the Civil Code). The value of such distributed registry technology as blockchain is its ability to

---

[9] *Mougayar W.* The Business Blockchain / Introductory word by V. Buterin. M. : Eksmo, 2018. P. 5.

[10] *Vaypan V. A.* Legal regulation of digital economy // Pravo i biznes. Addendum to journal "Predprinimatel'skoye pravo". 2018. № 1. P. 12—17.

[11] Resolution of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 № 1632-p «On approving the "Digital econony of the Russian Federation"».

[12] *Ruchkina G. F.* Bankovskaya deyatel'nost: perekhod na novuyu model' osushchestvleniya, ili "Fintekh" kak novaya real'nost' (Banking activity: transition to a new model of operation, or "Fintekh" as new reality) // Bankovskoye pravo. 2017. № 4. P. 55—62.

ticular, the Payment Services Act that allows the use of cryptocurrency as a means of payment. Globally, the main interest to it was due to the fact that it established the legal definition of cryptocurrency. Cryptocurrency is defined as a property value that can be used in settlements with other bodies for goods, rent, services, and also be handed over in digital form[5]. Such definition can hardly be considered as accurate and exhaustive; rather, it reveals the economic and legal essence of this object, which can act both as property and means of payment. Combined with other legal means provided by law, the definition of cryptocurrencies through the indication of their functionality, in particular, the protection of crypto-market participants through licensing of cryptocurrency exchange and exemption of the 8% consumption tax enabled Japan to create a favorable business environment for the development of crypto-market, and to attract investors.

Russian developers of cryptocurrency legislation represented by state authorities presented their bills, and, as always, followed a very special path. Instead of creating effective legal mechanisms for regulatory stimulation of the developing cryptomarket in Russia, the draft law of the Ministry of Finance secured the definitions of main terms used by the participants of the cryptology. The suggested definitions cause reasonable doubts in terms of their relevance to the goals and objectives outlined by the country's leaders for creating digital economy.

The primary question in this connection would be whether introducing the notion of 'digital financial asset' is feasible. Based on the draft law of the Ministry of Finance, we can conclude that this concept is introduced as an umbrella term for digital objects of property turnover such as cryptocurrency and tokens. Foreign and domestic sources, as a rule, offer two separate concepts: digital asset vs. financial asset. Digital assets may include a fairly wide range of objects manifested in binary format. K.D. Savitskaya points out the content diversity of digital assets and the lack of a unified approach to the definition of this concept, and suggests that digital asset should be understood as "any digital file stored on any media where information can be uploaded and downloaded or extracted in the future". Therefore, cryptocurrencies and tokens constitute only a minor part of digital assets overall[6].

The notion of financial assets can be drawn from "International Financial Reporting Standard 9 "Financial Instruments" (introduced in the Russian Federation by Order of the Ministry of Finance of the Russia N133н of August 26, 2015). To date, it would be more than controversial treating cryptocurrencies and tokens as financial assets. According to paragraph 2 of Article 2 of the Bill under consideration, a digital asset is "a property in electronic form created using cryptographic methods". However, encryption (cryptographic) tools do not actually create any digital objects, and are used for their protection only. Furthermore, such a broad approach to digital financial assets allows to consider other digital objects, along with cryptocurrencies and tokens, as electronic financial assets as well — for example, electronic digital signature. It seems that introducing this term only to unify the regulation of cryptocurrencies and tokens in one bill is not entirely justified and meaningful.

The use of the term 'the right of ownership' with reference to electronic property also seems doubtful. According to the prevailing approach in the Russian civil doctrine, the object of property right can only imply a thing as an object of substantive law.

Thus, the term 'digital financial assets' introduced by the bill does not much contribute to the definition of such important categories of cryptomarket such as cryptocurrencies and tokens.

It is known that for the purposes of legal regulation it has been agreed to avoid the term 'blockhain' and stick to the more general neutral concept of 'distributed data register'[7].

In specialized literature, distributed database (sometimes referred to as distributed/parallel database (DDB)) implies exactly a unified database, and not a random set of files stored individually on different network nodes with a distributed file system. The data constitute a DDB only if they are interrelated in accordance with a particular structural formalism, relational model, and can be accessed via a unified high-level interface[8]. Distributed databases can have a different level of

[5] URL: http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/japan-bitcoin-to-be-regulated/.

[6] *Savitskaya K. D.* Tsifroviye aktivy: teoriya i pravovoye regulirovaniye na primere Soedinennykh Shtatov Ameriki (Digital assets: theory and legal regulation on the example of United States) // Vestneyk Polotckogo gosudarstvennogo universiteta. Series D. Economic and Legal Sciences. 2015. № 5. P. 196.

[7] *Vaypan V. A.* Osnovy pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki (The bases of legal regulation of digital economy) // Pravo i ekonomika. 2017. № 10. C. 5—18.

[8] *Date C.* An Introduction to Database Systems. 7th ed. Williams, 2001.

L. V. Sannikova*,
Yu. S. Kharitonova**

DIGITAL ASSETS AND TECHNOLOGIES: SOME LEGAL ASPECTS OF CONCEPTUAL FRAMEWORK DEVELOPMENT

Abstract: the Association of Russian Banks established the Expert Council for legal regulation of digital technologies to contribute to the creation of a comfortable legal environment within the digital economy. As part of their operational activities, the Council members took notice that the draft bills suggested to legal community for consideration fail to offer effective legal regulatory mechanisms, only introducing a range of new concepts into the Russian legislation. At the same time, these concepts do not comply with requirements of terminological certainty due to the lack of unified theoretical approaches to the matter of basic legal conceptual framework of digital economy. It has been proved that introducing the notions of 'digital financial asset' and 'smart contract' into the law system is not justified. The concepts of distributed registries of digital transactions and/or records are not universal and contradict the established legal framework.

Keywords: digital asset; cryptocurrency; token; distributed database registry; smart contract; digital economy; database; intellectual property.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.022-026

Following the Presidential assignment Пр-21321[1] of October 10, 2017, the Government of the Russian Federation, jointly with the Bank of Russia, are to introduce amendments to the legislation of the Russian Federation to define the status of digital technologies applied in financial sphere and their respective concepts (including 'distributed registry technology', 'electronic letter of credit', 'digital mortgage', 'cryptocurrency', 'token' and 'smart contract') proceeding from ruble being the only legal means of payment in the Russian Federation.

In pursuance of the act, the Ministry of Finance of the Russian Federation developed the draft law "On Digital Financial Assets" [2] posted for information on January 25, 2018 (further — 'Draft Law'). Further to this activity, the Central Bank of the Russian Federation also presented the draft law "On alternative ways of investment generation (crowdfunding)"[3] where definitions of main concepts refer to the developments of the draft law by the Russian Federation Ministry of Finance.

Thus, Russia followed the path of many foreign countries — starting from the calls to prohibit the new digital objects of property turnover such as cryptocurrencies and tokens — up to their legalization. At the same time, the analysis of the legal regulation in the field of cryptocurrencies in other countries shows that most of them opted for targeted legislative regulation of certain aspects related to circulation of new digital objects of property turnover, primarily for taxation purposes[4].

Japan advanced most of all, having adopted the law that amends the current legislative acts, in par-

© Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S.

* Sannikova L. V.,
Prof. L.V. Sannikova, Doctor of Law, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Executive Vice-President of Association of Russian Banks
** Kharitonova Yu. S.,
Doctor of Law, Professor of Department of Entrepreneurial Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

[1] URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899.

[2] URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&page_id=2104&popup=Y&area_id=4.

[3] URL: http://www.cbr.ru/analytics/standart_acts/others/20180125_02.pdf.

[4] Legal regulation of cryptocurrency business // URL: http://axon.partners/wp-content/uploads/2017/02/Global-Issues-of-Bitcoin-Businesses-Regulation.pdf.

tion on the use of cryptocurrency as a means of payment or subject matter of a contract.

The legal relations arising in this case are not regulated by legislation, which causes obstacles in the practical resolution of many issues. The practice of courts in this category of cases varies. A commonly held position is that it is impossible to use virtual money as money and as things defined by generic attributes, since they are not objects of the material world and do not exist in a physically tangible form[9]. It would be hard to consider such approach as justified, although it obviously demonstrates the imperfection of the current legislation. More infrequently, courts, on the contrary, proceed from the possibility that parties enter into agreements that are not specifically regulated by the rules of the Civil Code of the Russian Federation, and consequently it is legitimate to apply the rules governing similar relations even though the subject of the deal is not stated by law[10]. It seems that the second approach is more consistent with the letter and spirit of law. According to the position of tax authorities, it is possible to conduct operations using cryptocurrency[11]. However, as noted in literature, the commission of 'digital' transactions can lead to a suspicion that the firm carries out operations (transactions) aimed at legalization (laundering) of crime-generated income, financing of terrorism, and is involved in questionable transactions[12]. Such a significant difference between the legal position and its practical implementation is not surprising, since with such a significant shortage of regulatory norms it is very difficult to establish a unified tax, administrative and judicial practice.

We believe that, in the establishing the legal regime of the cryptocurrency, it would be most actionable, rather than setting bans, to establish restrictions on the rights to use it, including as a payment means. The grounds, boundaries and limits of such restrictions should be clearly specified, which will make it possible to formulate legal norms, on the one hand, to minimize the risks of economy digitalization, and on the other, to use the new digital technologies effectively for successful development of the economy in general.

REFERENCES

1. *Batoyev V. B., Semechyuk V.V.* Ispolzovaniye kriptovalyuty v prestupnoy deyatel'nosti; problemy protivodeystviya (The use of cryptocurrency in illegal activities: aspects of countermeasures) // Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii. — 2017. — № 2.
2. *Breu S., Seits T. G.* Legislative Regulations to Prevent Terrorism and Organized Crime from using Cryptocurrencies and its Effect of the Economy and Society // Pravovoye vozdeystviye na ekonomiku: metody, rezultaty, perspektivy : Collective monograph / Chief Editors V. A. Vaypan, M. A. Egorova. — M. : Yustotsinform, 2018.
3. *Vaypan V. A.* Osnovy pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki (The bases of legal regulation of digital economy) // Pravo i ekonomika. — 2017. — № 11.
4. *Galkova E.V.* Bitkoin — alternative investitsiyam, kriptovalyuta ili 'steklyanniye busy' bez realnoy torgovoy stoimosti? Obzor osnovnykh podhodov regulirovaniya (Bitcoin — an alternative to iunvestment, cryptocurrency or 'glass beads' without the actual trade value? A review of main approaches to regulation) // Zakonodatelstvo. — 2016. — № 11.
5. *Kuznetsov V. A., Yakubov A.V.* O podhodakh v mezhdunarodnom regulirovanii kriptovalyut (Bitcoin) v nekotorykh inostrannykh jurisdiktsiyakh (On approaches to international regulation of cryptocurrencies in some foreign jurisdictions) // Den'gi I kredit. — 2016. — № 3. — P. 27.
6. *Nikitin K.* Pravovoy status kriptovalyut v Rossii (Legal status of cryptocurrencies in Russia) // Jurist. — 2017. — № 45.
7. *Shukhrina M.* Kriptovalyuta: uchet i nalogi (Cryptocurrency: accounting and taxes) // Prakticheskiy bukhgalterskiy uchet. 2017. № 11.

[9] Appellate decision of Investigation Committee on civil cases of Saint-Petersburg City Court of 17 March 2016 for the case № 33-4472/2016 // SFOR «ConsultantPlus».

[10] Resolution of the Presidium of High Court of the Republic of Chuvashiya of 29.11.2013 for the case № 4-Г-12/2013 // SFOR «ConsultantPlus».

[11] Letter of Federal Tax Service of Russia of 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 // SFOR «ConsultantPlus».

[12] *Shukhrina M.* Kriptovalyuta: uchet i nalogi (Cryptocurrency: accounting and taxes) // Prakticheskiy bukhgalterskiy uchet. 2017. № 11.

within the new systems, and an important role is attributed to self-regulation of market participants.[3]

So far, the legal regulation of relations in the use of cryptocurrency has been reduced to a number of prohibitions — in particular, the prohibition of its use as money — and establishing liability for violation of these prohibitions. On September 1, 2017, the first criminal case was opened in Russia against three members of a group engaged in bitcoin mining online sale under part 2 of art. 172 of the Criminal Code of the Russian Federation for illegal banking activities committed by an organized group and associated with receiving income in a particularly large amount.[4] Apparently, such approach significantly limits the use of cryptocurrency, although it has been repeatedly noted that digital currency can be an effective means of payment for consumers (without the need to open a bank account), making the payment process faster, cheaper and far more convenient.[5]

The lack of legal regulation of relations in the use of the cryptocurrency, on the one hand, significantly hampers digitalization of the economy, since the idea of creating and use of cryptocurrency was precisely to accelerate all economic processes through the use of a digital counterpart of cash. On the other hand, the use of cryptocurrency often entails violations of the rights of citizens and business entities, and non-compliance with public law interests. V.A. Vaypan justly points out, that, in the conditions of digital economy, the protection of consumer rights deserves special attention, and it is necessary to amend the effective legal acts and adopt new ones to ensure comprehensive regulation of consumer rights protection in digital economy. [6]

Therefore, the dilemma of whether to set restrictions or not requires detailed study, since, in many cases, the specificity of legal relations arising of the use of cryptocurrency does not allow to apply legal rules designed for other types of legal relations. As is known, the most intricate practical problems tend to arise in those spheres where special regulatory norms are not sufficient, and the application of general rules becomes difficult.

It seems that the legal regime of cryptocurrencies should provide for public legal restrictions on the subject composition of the relations under consideration, as well as ensure the rights and obligations of persons using cryptocurrencies (established types of use of cryptocurrency). The objective of imposing restrictions is to ensure that a certain range of persons can use cryptocurrency for respective purposes, as well as to prevent its misuse. It is necessary to establish the limits of restrictions, the absence of which can negatively affect the digitalization of the Russian economy as a whole. Also, is it necessary to avoid a prohibitive bias here — it has a directly proportional effect on efficiency and predetermines countermeasures by developers of cryptocurrency and other interested parties. [7]

The primary restriction which should be provided by the legal regime of cryptocurrency is the rule on a strictly targeted nature of its use only within the allowed uses.

The countries pioneering in the field of legal regulation of digital currencies use are primarily focused on developing measures to counter illegal money laundering and to protect consumers[8]. Consequently, cryptocurrency can be used for any purposes, except for those limited by law such as money laundering, financing of terrorism, tax evasion, etc. These goals can be specified in sectoral legislation.

The second important public-law restriction on the use of cryptocurrency may be the restric-

---

[2] *Nikitin K.* Pravovoy status kriptovalyut v Rossii (Legal status of cryptocurrencies in Russia) // Jurist. 2017. № 45.

[3] *Breu S., Seits T. G.* Legislative Regulations to Prevent Terrorism and Organized Crime from using Cryptocurrencies and its Effect of the Economy and Society // Pravovoye vozdeystviye na ekonomiku: metody, rezul'taty, perspektivy : Collective monograph / Chief Editors V. A. Vaypan, M. A. Egorova. M. : Yustitsinform, 2018.

[4] *Nikitin K.* Pravovoy status kriptovalyut v Rossii (Legal status of cryptocurrencies in Russia) // Jurist. 2017. № 45.

[5] *Kuznetsov V. A., Yakubov A. V.* O podhodakh v mezhdunarodnom regulirovanii kriptovalyut (Bitcoin) v nekotorykh inostrannykh jurisdiktsiyakh (On approaches to international regulation of cryptocurrencies in some foreign jurisdictions) // Den'gi i kredit. 2016. № 3. P. 27.

[6] *Vaypan V. A.* Osnovy pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki (The bases of legal regulation of digital economy) // Pravo i ekonomika. 2017. № 11.

[7] *Batoyev V. B., Semenchyuk V. V.* Ispol'zovaniye kriptovalyuty v prestupnoy deyatel'nosti; problemy protivodeystviya (The use of cryptocurrency in illegal activities: aspects of countermeasures) // Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii. 2017. № 2.

[8] *Galkova E. V.* Bitkoin – alternativa investitsiyam, kriptovalyuta ili 'steklyanniye busy' bez realnoy torgovoy stoimosti? Obzor osnovnykh podhodov regulirovaniya (Bitcoin — an alternative to iunvestment, cryptocurrency or 'glass beads' without the actual trade value? A review of main approaches to regulation) // Zakonodatel'stvo. 2016. № 11.

N. V. Makarchuk*

PUBLIC LEGAL RESTRICTIONS ON THE USE OF CRYPTOCURRENCIES AS A WAY TO MINIMIZE POTENTIAL RISKS OF DIGITALIZATION OF ECONOMY

Abstract. In the conditions of digitalization of the economy, legal regulation should both guarantee the public interests and promote the development of private entrepreneurial activity. The creation of a favourable legal regime for the emergence and development of modern technologies and their effective use in economic activities requires removal of the current legal prohibitions; at the same time, to prevent the adverse effects of economy digitalization, new public law restrictions are needed. This article considers some grounds and limits of restrictions on the right to use cryptocurrency, which allow minimizing some possible risks in the transition to a new model of the market economy operation.

Keywords: cryptocurrencies; blockchain; bitcoin; digital economy; public law restrictions.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1..019-021

Digital economy as a new model of market economy operation predetermines new approaches to legal regulation of economic processes. Modern realities require effective regulation of all spheres related to digitalization of the economy; in particular, this concerns legal regulation, which both guarantees public interests, and promotes the development of private entrepreneurial activity. First and foremost, it is necessary to create a favorable legal regime for the emergence and development of modern technologies and economic activities related to their use in the digital economy. Furthermore, it is necessary to remove the key legal restrictions[1]. Meanwhile, the removal of existing legal restrictions should not completely exclude the state participation in the ongoing digitalization processes. Digital economy based on the use of digital data not only requires that the current legal barriers are removed, some new restrictions are also required, purely specific of the new digital form, in order to ensure a balance the interests and prevent illegal conduct. Therefore, it is necessary to conduct a comprehensive research of the grounds and limits of possible restrictions on the use of basic tools of digital economy, such as: blockchain, smart contracts, crypto-currencies and etc. At the same time, it is necessary to remember that the legislator's primary aim in setting limitations is to prevent the use of digital technologies for illegal purposes and to protect bona fide participants in the emerging relations. This work does not pretend to an exhaustive consideration of all theoretical and practical aspects with regards to legal restrictions of the digital economy as this process has socio-economic and political causes and is interdisciplinary in nature. The analysis shall consider only some of the grounds and limits of restrictions on the right to use cryptocurrency which allow minimizing some potential risks of economy digitalization.

To date, the legal regime of the cryptocurrency in the Russian Federation has not yet been determined. As K. Nikitin points out, it is yet too early to talk about cryptocurrency as a legal institution that has a certain legal status[2]. Possibly, this is because it is difficult for states to manifest themselves

© Makarchuk N. V.

* Makarchuk N. V.,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

[1] *Vaypan V. A.* Osnovy pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki (The bases of legal regulation of digital economy) // Pravo i ekonomika. 2017. № 11.

10. *Nixon M.* Bitcoin Foundation seeks legal protection from US currency regulatio // Independent. 30.08.2017 URL: http://www.independent.co.uk/news/business/news/bitcoin-foundation-legal-protection-us-currency-regulation-llew-claasen-cryptocurrency-bitlicence-a7919401.html.
11. *Primavera de F.* We Must Regulate Bitcoin. Problem Is, We Don't Understand It. 03.01.2016 // URL: https://www.wired.com/2016/03/must-understand-bitcoin-regulate/.
12. *Shcherbak S.* How Should Bitcoin Be Regulated? // European Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 7, Is. 1. URL: http://www.ejls.eu/15/183UK.pdf.
13. *Starodubcev D.* Bitcoin created a supranational economy // URL: http://www.coinfox.info/news/persons/5109-dima-starodubcev-bitcoin-created-supranational-economy (17 March 2016, CoinFox.info).
14. World Trends in Freedom of Expression and Media Development : UNESCO Global Report 2017/2018 // URL: http://www.unesco.de/fileadmin/medien/Dokumente/Kommunikation/EN_WTR_2017_Executive_Summary_web.pdf.

Licenses which will be tamper-proofed and access to personal assets will be secure and readily available. The coming years will show an enormous development of blockchain technology impacting all aspects of life on a day to day basis. The main challenge for regulators and society is an increasing asymmetry between the blockchain industry, its

stakeholders and the legal system and consumer. Today»s approach by various governments to implement more and more legal restrictions on the internet will not prove sustainable[7]. All regulations and restrictions should consider the specific aspects of blockchains and cryptocurrencies and not diminish the potential positive effects of economic growth and innovation.

Conclusion

Blockchains and cybercurrencies are opening a challenging new development for legislative regulations and law enforcement in general but antitrust and competition law in particular. The decentralized and autonomous technology and structure of blockchains and the complete independence of any state institutions and controls poses unseen challenges to both governments and international institutions. Blockchains might prove to be agnostic to any jurisdictional rules based on traditional legislative understanding. Blockchain consortia using artificial intelligence will go beyond the market structure as we have it today. The blockchain software will trigger decisions and actions automatically and without interference of blockchain participants.

Such scenario will force authorities to become more pro-active in their planning and operational modus. Capacity building has to be emphasized to keep the asymmetry of information between regulators and industry as small as possible. Self-regulation by the market players will be necessary to support. Finally, any regulations and standards have to be internationally coordinated and have to stay flexible to react to any development of these technologies which asks for ongoing international analysis and monitoring of evolution and market changes.

Blockchain technology is definitely an unseen challenge to legislative and regulative authorities which is asking for massive capacity building and adjustments of existing legal frameworks to give an answer to the challenges of tomorrow.

REFERENCES

1. *Ajinkya M.* Tulpule. Enforcement And Compliance In A Blockchain(ed) World // CPI (Competition Policy International). January 2017. URL: https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2017/01/CPI-Tulpule.pdf.
2. *Boog Ch., Gottlieb B.* Disputes in the context of blockchain appli-cations // URL: http://www.swlegal.ch/CMSPages/GetFile.aspx?disposition=attachment&nodeguid=9cbbaf0f-8781—431f-8702—6673a2b29ac5 (June 2017, Schellenberg Wittmer, Attorney at Law, Newsletter).
3. *Brandman G., Thampapillai S.* Blockchain — Considering the Regulatory Horizon // URL: https://www.law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2016/07/blockchain–considering-regulatory-horizon (July 2016, University of Oxford, Faculty of Law, Business Law Blog).
4. Crypto Valley Association. Mission and Policy Framework/General Code of Conduct. 01.2018 // URL: https://cryptovalley.swiss/codeofconduct/.
5. Gibraltar Financial Services Commission. Distributed Ledger Technology Regulatory Framework. 01.2018 // URL: http://www.gfsc.gi/dlt.
6. *Iansiti M., Lakhani K. R.* The Truth About Blockchain // Harvard Business Abstract. 01/02 2017. URL: https://hbr.org/2017/01/the-truth-about-blockchain.
7. IBM Institute for Business Value. Forward Together: Three ways blockchain Explorers chart a new direction // Global C-suite Study. 19th ed. URL: https://www-01.ibm.com/common/ssi/cgi-bin/ssialias?htmlfid=GBE03835USEN.
8. *Milnes M.* Blockchain: Issue in Competition & Consumer Law. 26.05.2016 // URL: https://www.linkedin.com/pulse/blockchain-issues-competition-consumer-law-michael-milnes.
9. *Nakamoto Satoshi.* A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2000. // URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (November 2008).

[7] World Trends in Freedom of Expression and Media Development : UNESCO Global Report 2017/2018 // URL: http://www.unesco.de/fileadmin/medien/Dokumente/Kommunikation/EN_WTR_2017_Executive_Summary_web.pdf.

their custody or control against unexpected eventualities and threats. Custodial assets will need to be segregated from the DLT Provider»s own assets. DLT firms need to ensure that they maintain robust and accurate records of transactions.

6. A DLT Provider must have effective corporate governance arrangements.

DLT Providers need to implement good corporate governance. This is crucial as it will establish the system by which firms will be run and business overseen, including its structure, processes, culture and strategies. It will establish the rules by which authority is exercised and decisions taken and implemented to manage all risk types and exposures.

DLT Providers need to deliver and maintain a corporate culture consistent with the secure and confident delivery of these principles. They need to have an open, cooperative and transparent relationship with the GFSC and other regulators and must disclose to them any matter of which the regulator would reasonably expect notice. Areas of focus will include:

— board structure, including composition to ensure that there is a good balance and mix of skills and experience to complement the business;
— adequate application of the four eyes principle; and
— application of mind and management from Gibraltar.

7. A DLT Provider must ensure that all systems and security access protocols are maintained to appropriate high standards.

All systems used should ensure the right level of access to authorised personnel with up to date monitoring systems. On-going and proactive security assessments should be conducted on DLT technologies to keep up to date with any new threats and potential vulnerabilities. These include:

— risk assessment of applications, underlying technology, and cybersecurity;
— policies, procedures and controls to ensure the delivery of this principle;
— skilled and experienced staffing;
— continuous vulnerability and threat analysis and assessment;
— continuous monitoring and response provisions; and
— independent compliance audit and reporting.

8. A DLT Provider must have systems in place to prevent, detect and disclose financial crime risks such as money laundering and terrorist financing.

DLT Providers must adequately apply anti-money laundering and counter terrorist financing preventive measures which are commensurate with their risks, and report suspicious transactions. DLT Providers need to be aware of the vulnerabilities of its products and services to financial crime risks and ensure that they implement measures to mitigate the risks. DLT Providers need to comply with the Proceeds of Crime Act and any guidance issued by the GFSC.

9. A DLT Provider must be resilient and must develop contingency plans for the orderly and solvent wind down of its business.

DLT Providers need to develop, test and maintain adequate business continuity, disaster recovery and crisis management plans. Preparedness for any potential threats or loss should form part of the disaster recovery plans as well as a well-managed and structured business continuity management process. Testing of the plans and its embedded processes should form part of the business model.

But all these actions could be considered only soft regulation approaches as it is very difficult to establish a harder regime as understood in traditional regulation of markets. Mainly because the concept of legal entities is nearly impossible to maintain with blockchain applications. All legal entities that can be defined as such are only gatekeepers of the underlying blockchain that exists virtually.

As mentioned before, the potential of blockchains can only be presumed today. As all stored data in distributed ledger cannot be corrupted, they are cryptographically validated data. To quote Leanne Kemp, CEO of Everledger, from the IBM Institute for Business Value report: «At its core, blockchain is a shared ledger that allows participants in a business network to transact assets where everyone has control but no one person is in control»[6] Validated supply chains will be available to the consumers, healthcare data will be managed in blockchain consortia models, and financial trading platforms will be managed through blockchains. Smart contracts will facilitate, execute and enforce agreements through blockchain technology and will guarantee proper fulfilment of the agreement and secure storage of data. This technology will make the use of intermediates and middleman more and more neglectable. Government services will be offered digitally like Land-Registry, E-voting, Notary Public Services, Passports, ID»s, and

[6] IBM Institute for Business Value. Forward Together: Three ways blockchain Explorers chart a new direction. Global C-suite Study. 19th ed. // URL: https://www-01.ibm.com/common/ssi/cgi-bin/ssialias?htmlfid=GBE03835USEN.

are encouraged to disclose any form of mismanagement, corruption, incident, illegality, wrongdoing and any other serious infringements of the rules in force at the CVA or of national or local laws, to the CVA Board of Directors.

G. Breaches / Disciplinary Action

Members accept that any breach of the Code can result in disciplinary actions, which, depending upon the nature and severity of the breach, include written warnings, information and/or remediation requests, and — in case of serious breaches — expulsion from the CVA. The Members shall always have the right to be heard and costs shall be allocated to the Member depending on the disciplinary action decided.

H. Transactions

Members shall remunerate transactions on an «arm»s length» basis. Hence, any fees, salaries or «cost-plus» mark-ups shall be comparable with third-party transactions.

Gibraltar (governmental regulation):

This being an example of self-regulation through market participants Gibraltar through its Gibraltar Financial Service Commission published in October 2017 as one of the first governments a Distributed Ledger Technology Regulatory Framework:

1. A DLT Provider must conduct its business with honesty and integrity.

The GFSC must be satisfied that the applicant, including the persons associated with it, are fit and proper to undertake the DLT activity. The basic elements which are relevant to such an assessment include:

— honesty, integrity and reputation;
— skill, competence, care and experience; and
— financial position.

2. A DLT Provider must pay due regard to the interests and needs of each and all its customers and must communicate with its customers in a way which is fair, clear and not misleading.

DLT Providers are expected to devote as much time and consideration to protecting consumers' interests as to their own, and dedicate sufficient resources necessary to protect consumers. There is a need to use best endeavours to mitigate the risks associated with use of DLT and employ best practice in the operation of their business. DLT Providers must make appropriate disclosures regarding:

— the use of DLT in the business;
— the risks associated with the technology and its use by firm; and
— the products and services supplied and associated risks.

DLT Providers need to make initial and per-transaction disclosure of risks, terms and conditions, as well as employing ethical advertising and marketing standards. They must have adequate complaint policies and disclosures and be able to manage and disclose any conflicts of interest. DLT Providers need to ensure that the information is presented in a way that is likely to be understood by the target customer and does not disguise, diminish or obscure important items, statements or warnings.

3. A DLT Provider must maintain adequate financial and non-financial resources.

DLT Providers are expected to maintain sufficient financial resources to ensure that it can be run in a sound and safe manner. Capital levels must be monitored to ensure that sufficient capital is held to support business objectives. Capital level must be commensurate with the prudential risks. As a minimum, DLT Providers are expected to hold sufficient capital to ensure an orderly, solvent wind-down of its business. Where appropriate, DLT Providers are required to hold professional indemnity insurance cover. Consideration will therefore be given to the following:

— adequacy of financial resources;
— sustainability of business model;
— maintenance and retention of books and records; and
— audit and reporting standards.

In terms of non-financial resources, DLT Providers must ensure that it will be able to comply with the requirements imposed by the GFSC in the exercise of its functions.

4. A DLT Provider must manage and control its business effectively, and conduct its business with due skill, care and diligence; including having proper regard to risks to its business and customers.

DLT Providers are expected to apply good, forward-looking risk management practices. This will help provide assurance to all stakeholders that the core processes and systems are effectively controlled, are fit for purpose and that risk is being managed in the right way. Strong risk management practices will make DLT Providers better equipped to act on risks and control in a timely manner, therefore reducing the likelihood of significant risks emerging that have not already been identified and managed effectively.

5. A DLT Provider must have effective arrangements in place for the protection of client assets and money when it is responsible for them.

DLT Providers are expected to take all reasonable precautions to protect customer assets in

cific blockchain application. Bitcoin with its underlying blockchain has already started to create a supranational economy in which the classical idea of a legal person is obsolete[4] whereas the supranational law is not really designed to address these new developments yet.

Another opinion on this jurisdictional issue is: «that at a simple level, every transaction potentially comes under the legislative umbrella of wherever the node exists whether in respect of financial services or data protection»[5]. Whereas the author also states that this means that blockchains would then need to be compliant with a potentially unwieldy number of legal and regulatory regimes.

Given this, the locus of a relevant «act» could be unclear as the transactions may have occurred simultaneously in a few different places, which again makes it nearly impossible to determine the competent jurisdiction. The unsolved questions regarding competence of jurisdictions in these new challenges of the new digital economy will also soon concern antitrust and competition law considerably as blockchain technology and its surrounding architecture will develop into new spheres and have considerable impact on our daily life.

Legislative and Regulative Approaches

Whether in a distributed ledger, a blockchain consortia or a private blockchain a deep cooperation and interaction between stakeholders is necessary to take full advantage of the potential. Blockchain are unified platforms with unified processes to maintain its structures. Attention has to be paid to the fact that all information shared between the stakeholders are only used to help the consortia to achieve legitimate goals and not violate competition laws and regulations. In future artificial intelligence will open a completely new field as blockchains will start to operate independently to optimize prices and profits by using the data stored within the ledger and trigger decisions and actions automatically.

For state legislation it is very difficult to implement regulations that have to be followed in a system that is outside its sphere of influence and action. An autonomous system maintained and managed by the users themselves over which no stately organization has any influence and control might start a supranational economy in which the classical idea of a legal entity is obsolete.

Within this new digital economy there is no technical necessity for the stakeholders to be attached to any jurisdiction. The high degree of anonymity of stakeholders in a blockchain is also a challenge for legislation as for example will still do not know the real identity behind «Nakamoto Satoshi» who presented the first concept of bitcoin to the public back in 2008.

Switzerland (self-regulation)

Based on this view on difficulties to regulate blockchain applications and cryptocurrencies self-regulation of the market participants will play an important role. The Swiss Crypto Valley Association for example published the ICO Code of Conduct for Switzerland in January 2018. The Code of Conduct addresses the following points:

A. Business Conduct

Members do their business in a responsible and transparent way, and do not engage in practices which would be potentially or factually damaging to the image and interests of the CVA and the ecosystem. Members adhere at all times to the Codes and, beyond it, to the applicable laws and regulations.

B. Diversity and Inclusion

Members do not discriminate in the work environment based upon race, color, gender, sexual orientation, religion, age, national origin, or disability.

C. Books and Records

Members ensure adequate and truthful operating and financial accounting as well as a proper system to record their business files. Members notify to the CVA any changes of their address, email, mobile number, domain name.

D. Property Rights

Members respect property rights of others, such as intellectual property rights, brand names or copyrights associated with any crypto valley related business.

E. Governance and Conflicts of Interests

Members implement in their organizations governance policies to ensure proper operation and control and to avoid (potential) situations of conflict of interest.

F. True and Fair Communication

Members commit to full, accurate, timely and understandable communication. In compliance with their confidentiality obligations, members

---

[4] *Starodubcev D.* Bitcoin created a supranational economy // CoinFox.info. 17.03.2016. URL: http://www.coinfox.info/news/persons/5109-dima-starodubcev-bitcoin-created-supranational-economy.

[5] *Brandman G., Thampapillai S.* Blockchain — Considering the Regulatory Horizon // University of Oxford, Faculty of Law, Business Law Blog. URL: https://www.law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2016/07/blockchain-considering-regulatory-horizon.

nothing about each other. Best known as the technology behind bitcoin as the leading cryptocurrency, it is mostly understood as distributed ledger technology which is widely used today. Bitcoin and its underlying blockchain technology were first introduced by Satoshi Nakamoto in his paper «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System»[2].

The whole software for cryptocurrencies is open source and keeps the ledger of all transactions ever occurring on public files. The records of all transactions are secured on the computers that build this ledger, but not the whole ledger on all but only small blocks with references to other blocks on all these computers worldwide, linked and secured using cryptography. This means, any alternation of any block cannot be done without alternation of all subsequent blocks which makes the system permanent, efficient and verifiable. So, each transaction and its identification is validated by at least three parties involved in maintaining the whole system and «mining» new blocks of information containing data relating to the actual transaction. By solving mathematical problems presented by the system these blocks are added to the existing blockchain, so all members of the system have access to the data. If a transaction is not verifiable with the existing blockchain the new blocks will not be integrated and so the integrity of the system is guaranteed.

Distributed ledger technology has been described as potential secure and efficient solution for several applications[3]. It is also widely expected that blockchains will track integrity and provenance of other special products like pharmaceuticals, diamonds or seafood in future. Blockchain will change the way of exchanging data and the ability to transact globally in various fields, including financial services. Beside the public blockchains, like the one used by bitcoin, there are new applications like consortium blockchains where the consensus process is limited to predefined nodes of the blockchain i.e. participants and members of the consortia. The access to the blockchain can be public or restricted or even hybrid. In a fully private blockchain the write permission is kept by one organization but it might be possible to have public reading permission or even that could be restricted to certain stakeholders of the blockchain. In contrast to the public blockchains, consortium or private blockchains can easily change rules and entries in the ledger and even revert processes. But having a central entity controlling the blockchain and being capable of interfering with the algorithm, especially for the challenges discussed in this paper, might solve the problem to define a responsible legal entity and take legal actions against it. This makes a big difference to distributed ledger technology where such a legal entity is difficult to define.

Definition of Jurisdiction

Blockchain will change the way of securing and exchanging data and the ability to transact globally in various fields, including financial services. The inherent decentralizing aspects of blockchains make it difficult to define an appropriate jurisdiction. In traditional law, and in absence of any agreement stating otherwise, blockchain disputes are normally settled by state courts. But the structure of blockchains are giving nearly insoluble problems to such state courts.

Blockchain application will conduct business transactions completely independently from the physical location of the involved legal entities. So it is possible that the stakeholders of the blockchain are acting in various jurisdictions, the blockchain administrator (if any) operates in a third country and the data suppliers are domiciled yet in another jurisdiction. We have a similar problem as with cross-border transactions to define the applicable law. This raises new challenges to regulators like the decentralised storage on large computer networks, anonymity of participants and unspecified values exchanged where it is not sure it these «goods» are included in the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods.

As the courts and states have enormous problems to tackle in these new scenarios, self-regulation of the market participants will play an important role. One part of a consumer-friendly self-regulation could be dispute settlement by an arbitral tribunal. Such arbitral processes could also be individually tailored for stakeholders in a spe-

[2] *Nakamoto Satoshi*. A Peer-to-Peer Electronic Cash System. November 2008 // URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf.

[3] *Plant R.* Can Blockchain Fix What Ails Electronic Medical Records? // Wall Street Journal. 27.04.2017. URL: https://blogs.wsj.com/experts/2017/04/27/can-blockchain-fix-what-ails-electronic-medical-records/ ; *Popper N., Lohr S.* Blockchain, A Better Way to Track Pork Chops, Bonds, Bad Peanut Butter? // New York Times. 04.03.2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/03/04/business/dealbook/blockchain-ibm-bitcoin.html ; *Rachel A.* From Farm To Finished Garment: Blockchain Is Aiding This Fashion Collection With Transparency // Forbes. 10.05.2017. URL: https://www.forbes.com/sites/rachelarthur/2017/05/10/garment-blockchain-fashion-transparency/#4975681774f3.

S. U. Breu*

ARE BLOCKCHAINS AND CYBERCURRENCIES DEMANDING A NEW LEGISLATIVE FRAMEWORK

Abstract. The digital economy and especially Blockchain technology are opening interesting new fields for regulating and legislative authorities. Some government representatives make the mistake to look at blockchain applications mainly as underlying technology for cryptocurrency technologies. But the technology can be used far wider as a way for secure decentralized data storage. Storing data on worldwide networks makes the blockchain applications difficult to regulate as they are not residing in a specific area of influence of any given regulation or jurisdiction. Also the blockchain applications offer an extensive level of anonymity to their stakeholders. In future artificial intelligence will start to optimize the applications and trigger decisions automatically which will become a major challenge for competition and anti-trust regulators as it will be difficult to define legal entities with responsibility for the action taken. Beside building up an appropriate regulation regime the inherent challenges in blockchain technologies will ask for a strong self-regulation of the market participants in the digital marketplace.

Keywords: Blockchain, Cryptocurrencies, antitrust law, competition law.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.012-018

Introduction

Rapid changes in the digital word have a sustainable influence on economics, legislation, commerce and even on human relations and society as a whole. Especially blockchain applications have become more and more prominent mostly by coverage in the media of today»s leading blockchain application — Bitcoin. Blockchains are basically algorithm with decentralized data storage lacking a centralized administration. The software for most blockchain applications is open source and keeps the ledger of all transactions ever occurring on public files — small blocks of information on each computer building the network.

The inherent decentralizing aspects and anonymity of blockchain applications makes it difficult to define the appropriate jurisdiction. As published in the Harvard Business Review early 2017[1] the future increased value and importance of many blockchain applications will require a close cooperation and deep collaboration of multiple stakeholders in the system. All participants on all levels of the process have to adopt and follow a common platform and procedure which will lead to industry consortia. The inherent decentralizing aspects of blockchains make it difficult to define an appropriate jurisdiction. In traditional law, and in absence of any agreement stating otherwise, blockchain disputes are normally settled by state courts. But the structure of blockchains are giving nearly insoluble problems to such state courts. Accepting that we are only seeing the first developments of these new markets allows us to start discussion about necessary steps to adapt regulations and compliance policies on an international level. Thus, given these scenarios, this paper aims to start discussing the possible frictions between blockchain applications and stakeholders and legislative and regulative authorities.

Blockchain Technology in short words

Blockchain has become more and more prominent in the last years. It is basically an algorithm with decentralized data storage, lacking a central administrator, and where the participants know

© Breu S. U.

* Breu S. U.,
Prof. h.c, DBA, Certified Fiduciary with Federal Diploma of Higher Education, President Johann Heinrich Pestalozzi University Inc., Florida, USA, Secretary General of the Swiss Centre for International Humanitarian Law

[1] *Iansiti M., Karim R. Lakhani.* The Truth About Blockchain // Harvard Business Review. January / February 2017. URL: https://hbr.org/2017/01/the-truth-about-blockchain.

mation intermediaries by demonstrating the signs of similarity with them and to achieve appropriate legitimization. This is also enforced by rather vague criteria set by legislator to qualify certain subjects as information intermediaries.

The problem of elaborating criteria to identify information intermediaries among many actors who participate in information exchange is not finally resolved, despite the efforts of both practitioners and research community representatives.

The rules governing relations within information intermediation also require substantial revision; in our opinion, it should resolve the issues below:

Establish a detailed (precise) list of information intermediaries able to act as infringers of intellectual rights during their activities (the rights to protected results of intellectual activity and means of individualization).

Identify a list of required and sufficient measures differentiated by person, object and nature of violation of rights, which the information intermediary is obliged to accept to eliminate the violation of intellectual rights by third parties. Ensure adequate legal regulation of relations arising of "turnover" of objects of copyrights and associated rights, as well as other objects of intellectual property, the in information and telecommunications networks with the participation of information intermediaries.

Bring the rules on information intermediaries stipulated in part four of the Civil Code of the Russian Federation in accordance with the rules which govern relations with the participation of other groups of information intermediaries, including aggregators of goods (services) contained in other federal laws.

REFERENCES

1. *Budnik R. A.* Inkluzivnoye parvo avtora. Tsivilisticheskaya kontseptsiya (Inclusive right of the author. A civilist concept). — M. : Yurlitinform, 2017.
2. *Ivanov A. Yu.* Prinuditelnoye litsenzirovaniye dlya innovatsionnogo razvitiya: o neobhodimosti balansirovki rezhima intellektuanykh prav (Compulsory licensing for innovative development: on the the need for balancing the regime of intellectual rights) // Zakon. — 2017. — № 5.
3. *Gorodov O. A.* Ob osobennostyakh perekhoda rezul'tatov intellektualnoy deyatel;nosti v rezhim obshchestvennogo dostoyaniya (On specifics of transferring the results of intellectual activity to the public domain regime) // Pravovedeniye. — 2017. — № 3.
4. *Gorodov O. A.* Otvetstvennost informatsionnykh posrednikov (Responsibility of information intermediaries) // Patenty i litsenzii. Intellektualnye prava. — 2017. — № 7.

free use, and the amount is determined depending on the types of protected objects and the methods of their use.

The institute of Compulsory Licensing is designed to mitigate the imbalance existing in the technical and technological domains, characteristic of the current regulatory model based on legal monopoly. This institution is aimed both at limiting the exclusive nature of a legal monopoly, and at stimulating technical and technological innovation[3].

The public domain regime applies to certain results of intellectual activity informational in their nature and where the law did not establish an exclusive property right for their use, or the statutory period of its validity expired.

Currently, the list of protected results of intellectual activity in respect of which presumption of their transition from the regime of legal monopoly (exclusive right) to public domain regime of the is established, is determined by provisions of the recent Russian legislation on intellectual property. According to effective rules, such results include: works (art. 1282 of the Civil Code of the Russian Federation), performances (art. 1318 of the Civil Code of the Russian Federation), phonograms (art. 1327 of the Civil Code of the Russian Federation), radio or television broadcasts (art.1331, Civil Code of the Russian Federation) inventions, useful models and industrial prototypes (art.1364 of the Civil Code of the Russian Federation), selection achievements (art. 1425 of the Civil Code of the Russian Federation), topologies of integrated microchips (article 1457 of the RF Civil Code.)[4].

A constructive development of the above models further and their harmonization with the domestic legislation of the inclusive models shown above, which restrict or eliminate the use of protected results of intellectual activity by a legal monopoly, seems to be necessary and will be in demand in the conditions of the digital segment development in the Russian economy.

8. Improvement of legal regulation of information intermediation

The Russian model of the institution of information intermediaries established by the rules of the Art. 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation is a product of advanced information and telecommunication technologies; at their current functioning state, their use creates legal obstacles with regards to the use of protected results of intellectual activity by placing their originals or electronic copies in the network of Internet. These difficulties caused mainly by departing from the classical mechanism when results of intellectual activity are used by third parties, are rather objective in modern conditions, based on a contract concluded between the right holder and the user. In this sense, the absence of a contract and the availability of illegal content are the main reasons why piracy of intellectual property objects is so much widespread. For such objects, a digital form of objectification is possible and characteristic, as well as the modern ways of their disclosure. The main idea of the legitimization of the information intermediary in the legislation on intellectual property is the wish of the legislator to isolate this figure and release it of civil liability if takes a neutral position in performing acts that violate the rights of right holders when using protected results of intellectual activity in the information and telecommunications network, and active position in suppressing such a violation[5].

It terms of the essence of norms on informational intermediaries, these norms include a number of fundamental intellectual property laws earlier unknown to legislation in Russia and generated primarily following rapid development of information and telecommunication technologies and their specifics, both in our country and abroad. At the same time, these provisions do not seem to fully represent the actual situation with information intermediaries' activities, which proves to be for more diverse and complicated than the one outlines by legislator when formulating appropriate norms. Primarily, this affects law enforcement practice, produced by jurisdictional bodies in resolution of legal disputes. Speaking of exact provisions in question these are, first of all, provisions which regulate relations established in connection with defining the circle of information intermediaries circle and the grounds for releasing them of civil liability.

Participants of civil disputes in cases of exclusive rights violation in the Internet frequently demonstrate a wish to join the category of infor-

[4] On specifics of transferring the results of intellectual activities to public domain regime, see: *Gorodov O. A*. Ob osobennostyakh perekhoda resultatov intellektualnoy deyatelnosti v rezhim obshchesvennogo dostoyaniya (On specifics of results of intellectual activities to public domain regime) // Pravovedeniye. 2017. № 3.

[5] See: *Gorodov O. A*. Otvetstvennost informatsionnykh posrednikov (Liability of information intermediaries) // Patenty i litsenzii. Intellektualnye prava. 2017. №7.

[1] Речь идет о судебном и ведомственном контролях.

(drugs, weapons) and illegal transactions (sale of human organs or images of bank cards used to steal funds from their owners' accounts, etc.). With the current widespread of cryptocurrencies, it is apparently necessary to introduce amendments to legislation on combating legalization (laundering) of criminally obtained income and financing of terrorism, which would account for the potential use of digital currencies for the purpose of committing these crimes.

6. Protection of the interests of cryptocurrency business representatives

1) To represent and protect the interests of cryptocurrency business, it is required to stimulate the creation of a non-governmental self-regulatory organization endorsed by the state. Such organization is required to put activities with cryptocurrency in order. Various ways to protect the interests of representatives of cryptocurrency business are also actively used in foreign legal orders: for example, as early as in 2014, Japan's Digital Asset Commission was established whose activities are aimed at protecting representatives of the cryptocurrency business.
2) Legal regime of smart contracts

To ensure successful introduction and use of smart contracts in civil regulation, their legal nature needs to be determined: whether a smart contract should be considered just as a version of the contract (in this case general norms on contracts are applicable) or recognized only as a specific technology (PC software) that facilitates the implementation of the will of the parties (in that case, to reflect its specifics, new norms would need to be introduced).

7. The use of new mechanisms to regulate relations in the sphere of legal protection and use of intellectual property objects

In the time of rapid information infrastructure development of the society and implementation of modern digital technologies in economy, the existing methods of protecting intellectual property, mainly based on prohibitive legal tools, cease to be effective. This is mainly due to constant complication of the right holders' actions aimed to prevent the illegal use of protected results of intellectual activity in information and telecommunications systems. Otherwise stated, it becomes almost impossible for the rights holder — not so much from a legal but rather from a technology standpoint - to ensure the functioning of the negative side of the exclusive right, i.e. realize the right to prohibit granted to him by law in actual practice.

In this connection, the so-called inclusive regulatory mechanisms come to the fore; these are based on legal methods different from legal monopoly and eliminate or restrict the effect of exclusivity, which is inherent in the current models of legal protection and use of the results of intellectual activity[2]. These mechanisms are widely used in some foreign countries, whose economy or some of its segments rely on a developed technological system. Thus, in the subject field of intellectual property, the commonly acclaimed modern models of legal regulation are based on the use of:

— Creative Commons licensing system;
— free software systems;
— systems of alternative compensation;
— compulsory licensing systems;
— public domain regime

Creative Commons licensing system is a group of irrevocable non-exclusive licenses specially designed by the non-claiming non-profit organization of the same title, which establish conventions for the use of a certain protected piece of work. These licenses allow the right holder to transfer some of his author's copyrights and corresponding duties to the public represented by an unlimited number of persons. Free software is usually understood as a type of computer programs whose right of use under a license agreement includes some special authorities of the licensee, e.g. the right to use the computer program for any purposes not prohibited by law; the right to access the source code of the program for research and adaptation, and for redeveloping of software; the right to introduce changes to the computer program and distribute copies of the amended program.

The system of alternative compensation is aimed to legalize the free use of the objects of copyright and associated rights in the Internet. Such use is accompanied by a monetary compensation to the right holder for the income due to

[2] For more detail on inclusive regulatory mechanisms of author relations, see: *Budnik R. A*. Inkluzivnoye pravo avtora. Tsivilistichestaya kontseptsiya (Inclusive right of the author. A civil concept). M. : Yurlitinform, 2017.

[3] On the role of compulsory licensing in innovation development, see: *Ivanov A. Yu*. Prinuditelnoye litsenzirovaniye dlya innovatsionnogo razvitiya (Compulsory licensing for innovation development: on the regime necessity of balancing of the intellectual rights regime) // Zakon. 2017. № 5.

the above-mentioned law grants quasi-exclusive rights to the information owner – in particular, the right to use the information – and stipulates the possibility of the rights protection of the information owner in case of its illegal use. Note that the protection or rights as such stipulated by Art. 6 rights, e.g. beyond their connection to exclusive rights resulting from intellectual activities, is not known within judicial practice, which highlights insufficient elaboration and specification of these powers, their legal nature and specifics of their protecting.

The provisions of Art. 10 of the Law of the Russian Federation No. 5485-1 of 21.07.1993 "On State Secret" also cause uncertainty regarding the legal regime of information as an object of civil rights as it stipulates the possibility of limitation of rights with regards to information. As is known, the right of ownership can be limited only with regards to a material carrier of information, and not the information (data) itself. These terminological and substantive discrepancies constitute obstacles for the efficient application of legislation on information and entail uncertainty of the legal regime of information as an object of civil rights.

The imperfection of legislation on personal data protection is also worth notice, as Art. 6 of the Federal Law "On Protection of Personal Data" does not contain a clear sufficient indication of cases when permission to process personal data is not required. Vague wording of the article leads to the common practice of obtaining consent to processing of personal data in cases where this is not required. In turn, this makes ambiguous the existing regime of personal data protection, when obtaining consent for their processing turns into an insignificant formality from the standpoint of the owner of personal data.

3. Legal regulation of cryptocurrency and mining

It is necessary to reach agreement on the legal regime of cryptocurrency: whether it is a currency, a product, or a means of payment/exchange? Until these questions are resolved, law enforcement will constantly encounter issues.

Mining should be understood as a process of solving 'cryptographic puzzles' using computing power or specialized devices to serve the Bitcoin network. Mining enables processing of transactions and emission of 'new coins' in the Bitcoin network, and decentralization and protection of the network against external attacks.

Taxation is also among the main domains of law enforcement: in different jurisdictions, the elaborated approaches with regards to it vary. In November 2015, the European Court (European Court of Justice) ruled that Bitcoin should be considered exactly as currency (means of payment) and not a commodity - at least, in terms of taxation. Thus, bitcoin purchase and sale transactions for traditional fiat currencies should not be taxed on value added. In Norway, Finland and Germany, cryptocurrency is subject to capital gains tax and luxury tax. In Bulgaria, digital currency is regarded as a financial instrument and taxed accordingly. In Austria, tax authorities consider cryptocurrency as an intangible asset, and its mining - as an operational activity. As for the United States, cryptocurrencies are considered to be property, any associated transactions are taxed. Therefore, it is necessary to agree which path the Russian law is to follow.

In this regard, it is also essential to determine the legal regime of the ICO (initial coin offering) process. ICO is a procedure of cryptocurrency issue when a person selling it receives additional funds. In this regard, the issue of the ICAO cryptocurrency is similar to the issue of bonds; however, unlike bonds, the cryptocurrency issued by a company or individual entrepreneur does not entail the issuer's property right of claim because there is a certain legal vacuum in this domain. It is possible to overcome the legal vacuum either on the legal level, regulating ICO following the example of securities issue, or regulate through law enforcement practice – for example, to regard the issue of cryptocurrency with a public offer as a certain way of concluding a loan agreement.

4. Determine the necessity of state regulation of cryptocurrency activities

State regulation, e.g. through licensing, will allow controlling the new market and, to a certain extent, ensure its safety and the quality of services for consumers. At the same time, there are concerns that: a) due to the product specifics, traditional regulation may prove to be inefficient, and therefore – only formal in practice b) excessive regulation can slow down the growth of high-tech companies and development of innovations. Many jurisdictions (for example, in Australia) do not exercise state licensing of cryptocurrency activities exactly for these reasons.

5. Counteraction to legalization of funds obtained by criminal means

It is commonly known that cryptocurrency has been widely used in the 'online shadow markets', including transactions of sale and purchase of things withdrawn or restricted from circulation

requires amendments to the Russian legislation in accordance with the new legal relations that arise between special subjects and concerning objects non-standard for traditional understanding.

It's a known fact that business entities actively use the resources and capabilities of the information and communication network "Internet" to promote their products, work and services. In some cases, certain actions of business entities can come into conflict with antitrust legislation.

Nowadays, hashtags as a data search too have become very popular. Hashtag (English 'hashtag' from 'hash' + 'tag') indicates a message keyword, a type of label or tag used in microblogs and social networks to simplify the search of messages by specific subject or content.

The problem is that any business entity that sells a product, work or service can use hashtags (which they do) specified by another business entity to simplify the users' search for its own product. Thus, the consumer searching, for example, for the product of "Dolce & Gabana" may be re-addressed to the page of another manufacturer, which, however, does not produce the original product but used the hashtag of the original product manufacturer (# Dolce& Gabana_Original) to increase the number of views of its online resource.

Potentially, such actions can be considered for violation of antitrust legislation in terms of misleading with regards to quality, properties of goods, place of origin and the manufacturer. De-facto, the business entity – producer of non-original product thrive on the name of it well-recognized competitor by using a hashtag, through which consumers use to search for the product they need. Such action of the manufacturer of non-original goods can be considered as a cause to enhance the mechanisms of combatting unfair competition. Currently, the legal regime of hashtags is not defined, and the tags themselves do not fall under legal protection.

Our suggestion is to consider the below issues whose resolution should contribute to the development of digital economy:

1. Determine how to treat financial technologies within the current Russian and international legal framework

As of today, the concepts of digital economy such as cryptocurrencies, blockchain and smart contracts do not fall under clear legal regulation. Many users do not have a clear understanding whether mining activities are regulated by law, blockchain is subject to taxation and how their personal data (which they easily post online) are used further. The legal status of smart contracts is also completely unspecified. Given the expansion of these phenomena and increased public interest to them, it is necessary to resolve the items in question within the nearest future in order to eliminate legal uncertainty, and to introduce some new concepts into legislative acts.

2. Legal regulation of Big Data

In digital era, the data such as information, knowledge, databases and data assets become the key object of the emerging legal relations. Russian legislation specifies categories of information with limited access due to its special value (state secret, commercial secret, bank secret, medical secret, personal secret, etc.). However, speaking of the role of information in the era of digital economy, such regulation is not sufficient. Today, the data becomes an expensive asset due to its alternative cost, which grows with the advent of new projects and their application spheres. Information technologies provide unlimited opportunities for receipt and use of information, which needs to be accounted for when assessing the actual threat of confidentiality breach. At the same time, is should be considered that the development of intelligent technologies for processing large data volumes will be impossible if the list of information with limited access is further expanded. Successful and legitimate use of Big Data in developed digital economy implies that the question of legal regime is resolved for processing Big Data sets that formally do not constitute information with restricted access, but may become such as a result of their processing. It seems reasonable to introduce a new concept of "Big Data" to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" of July 27, 2006 N 149-FZ, define the conditions of applying the restricted access regime to them and establish the liability of the person processing such information for ensuring its confidentiality and safety, and responsibility for violation of such duty.

In this connection, it is also necessary to resolve the uncertainty of the legal regime of information as an object of civil rights. While the indication on information as an object of civil rights was excluded from Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, item 5 of Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" states that information may be an object of civil legal relations, along with the public ones. Also, Art. 6 of

O. A. Gorodov*,
M. A. Egorova**

MAIN TRENDS FOR ENHANCING LEGAL REGULATION OF DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA[1]

Summary: The article considers the main trends for improving the legislation in Russia in the digital economy domain. In particular, the authors provide suggestions on enhancing provisions of the civil law concerning intellectual property, the Law on information, information technologies and protection of information, and other normative legislative acts; an analysis of legal regulation of digital relations in other countries is also provided.

Keywords: digital economy, smart contracts, blockchain, bitcoin, intellectual property, cryptocurrency, big data, information intermediation.

DOI: 10.17803/2618-8198.2018.01.1.006-011

The year of 2017 marked a new era in the development of economy in the Russian Federation characterized not only by the need for a legal interpretation of sustainable establishment and further development of its digital segment, but also the need to adjust the current legislation. In July 2017, the Russian Federation Government adopted the Digital Economy Program (hereinafter 'Program'[1]). The objectives of the Program are: to create a digital economy ecosystem in the Russian Federation with digital data as the key production factor in all spheres of socio-economic activities, ensuring effective cross-border collaboration and interaction of business, scientific and educational community, the state and the citizens; to establish the required sufficient institutional and infrastructural conditions, eliminate existing obstacles and restrictions for creation and (or) development of high-tech businesses as well as prevent such new obstacles and restrictions in both traditional sectors of economy, and new industries and high-tech markets; increase the competitiveness of sectors of the Russian Federation economy as well as the economy as a whole, in the global market.

In order to implement the Strategy for Information Society Development in the Russian Federation in 20172030 (approved by the Presidential Decree No. 203 of May 9, 2017 "On 2017-2030 Strategy for Development of an Information Society in the Russian Federation, further "Strategy for Information Society Development in the Russian Federation in 2017-2030"), the Program is aimed to create conditions for the development of the knowledge society in the Russian Federation, improve welfare and life quality for Russian citizens through increasing access to products and services created within digital economy using modern digital technologies, and their quality; to raise awareness and digital literacy; to improve access to and quality of public services for citizens, and enhance security in Russia and abroad. Analysis of the goals indicated in the Program apparently demonstrates that the state implies a significant level of support in the digitalization of Russia.

Digital technologies, actively used in Russia and abroad within the recent year, are only a means of improving efficiency of economy. The development of digital economy also

© Gorodov O. A., Egorova M. A.

* Gorodov O. A.,
Professor, Commercial Law Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Law
** Egorova M. A.,
Professor, Competition Law Department,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Chair of Commission for Enhancing Antitrust Legislation at Moscow regional branch of Association of Russia's Lawyers, Doctor of Law, Associate Professor, Member of International Committee for Digital Economy, Member of Committee for security of entrepreneurial activity at Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Honorary Professor of Johann Heinrich Pestalozzi University Inc. (Florida, USA), Honorary Professor of Logos University (Miami, USA)

[1] The article is prepared with the information support of the SFOR «ConsultantPlus».

[2] Order of Russian Federation Government of 28 July 2017 № 1632-p «On approving the program "Digital Economy of the Russian Federation"» // Sobranie zakonodatel`stva Rossii`skoi` Federatcii. 2017. № 32. Art. 5138.

legal regulation of relations arising in digital economy. This is manifested in conferences, forums and round tables dedicated to digital economy, and the growing interest to themed seminars and professional development courses. The working groups are actively collaborating on the resolution of issues already present in the digital environment. Thus, the legal regulation of the emerging digital ecosystem and its operation needs to be based on a comprehensive approach to digital legal relations as a socio-technical system where the new technologies are no more considered only from the computing and software standpoint; rather, these will constitute a comprehensive phenomenon, an ecosystem comprised of its own subjects and objects, and the relations between them. These goals can be implemented only with involvement of research concepts into the legal regulation process and theory-based consideration of the challenges in this sphere.

The planned themed sections of the journal include: state regulation of digital economy; legal regulation of cryptocurrency and mining; aspects and perspective of crowdfunding; legal regulation of Big Data systems; blockchain technology and cryptocurrency (Bitcoin, Copernicus, Ethereum etc.); interests and controversy in using blockchain in Finance; financial technologies in the effective Russian and international legal field; digital technologies in intellectual property and innovation; the legal status of smart contracts; protection of rights and legal interests of participants of digital markets; information security; legal nature and specifics of regulation of industrial Internet Consortiums.

Each issue of the journal will include a wide range of aspects related to the digital economy. In particular, it is planned to look into the methodological grounds of legal regulation in digital economy, legal regulation of participants (subjects) in the processes of digital economy, research into the specifics of legal status of civil law objects in digital economy, specifics of digital transactions, state regulation of the digital economy, introduction and application of stimulating measures in social interaction, the legal support of information security in digital economy and other aspects.

The Editorial Board hopes that this research and practical edition will contribute to the development of modern concepts of legal regulation in digital economy within the legal framework in Russia, and also on an international scale.

Maria Egorova,
Chief Editor of the journal "Law and Digital Economy",
LLD., Professor of Competition law Department
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Member of International Committee for Digital Economy

FROM THE EDITORIAL BOARD

In recent years, the digital economy has been a primary theme in research, evoking the immediate need to establish legally justified mechanisms of state control over the activities of digital economy stakeholders. The analysis of legal regulation of digital relations becomes a strategic goal, inherent to state policy in ensuring the security of the entire modern world and bringing the activities of the Russian subjects of digital economy into correspondence with the effective international standards.

In this sense, our journal is unique. The editorial board and the team of authors include the leading European experts in regulation of digital economy. The research and practical edition is co-founded by the Association of Russian Diplomats which directly contributes to the implementation of the stated goal.

The research into legislative regulation of legal relations in digital economy is quite timely in the light of the 2017 recently adopted regulatory and legal acts. In May 2017, the President of the Russian Federation approved the Strategy for the Development of the Information Society in 2017-2030, and on July 28, 2017, the program "The Digital Economy of the Russian Federation"[1] was approved by the Decree of the Government of the Russian Federation. Exploring the legal nature of relations arising in connection with the emerging digital ecosystems in Russia, the expert and research community reached a consensus on the need to regulate the digital ecosystem as a strategic element of economy due to the specifics of the current legal system in Russia.

As part of the strategy and the program "Digital Economy of the Russian Federation", digital technologies will be actively implemented in all spheres of life, with relevant amendments introduced into legal regulation. From robot automation of some industrial sectors and using blockchain technologies in state governance, introducing smart contracts and moving to electronic circulation, to resolution of global challenges the humankind has faced for several decades (e.g. greenhouse effect or limited drinking water resources), the digital economy era is a promise for a new better world. As stated, the program is aimed to significantly increase the level of the social welfare and raise the competitiveness of our state. To achieve these goals, all developed countries are also dealing with the matters of digital economy, and some aspects (e.g. regulation of cryptocurrencies) even acquire a supranational significance. Being a global trend, modern digitalization is indispensable as one of the key vectors in our country's policy if we are seeking Russia's development and well-being.

Amendments to the legal framework for regulation of digital economy can only be possible following a comprehensive inter-disciplinary research into the new phenomena introduced by the digitalization era, definition of their nature and place within the existing system. The legal status of stakeholders in digital ecosystems is determined by the two components: firstly, their roles in legal relations transferred onto the digital environment (e.g. seller and buyer of a product in an online shop, client and provider of services, author of a literary work and consumer of digital content, tax payer and tax authority, personal data operator and personal data subject etc.); secondly, their roles in legal relations in the digital environment as such (e.g. the operator of telematics communication services and subscriber, provider of trusted services and customer, hosting provider and user etc.).

In the first case, the legal status of participants of digital economy is regulated by the classic sector-specific legislation (the Civil Code, Tax legislation, the Customs Code, banking legislation, legislation on education etc.), therefore any additional or amended rights of the digital economy participants in legal relations need to be regulated by sectoral legislation (e.g. the Tax Code of the Russian Federation includes specialized provisions which regulate the procedure for using electronic invoices, which differs from the procedure of using paper documents, administrative provisions prescribe different procedures for submitting a paper and an electronic application etc.). In the second case, the legal status of the subjects of digital economy is regulated by acts which can be conventionally called 'specialized', regulating the infrastructure of digital economy, including the legislation on communication, legislation on regulating data circulation and private data protection and other information with restricted access. These laws precisely should stipulate the rights and obligations of participants of the legal relations which exist exclusively in the digital environment, as well as the general rights and obligations of all participants of the digital environment related to information circulation and the use of the digital communication channels.

Members of the legal community in Russia and other countries are actively involved in the process of

[1] Order of the Government of the Russian Federation of 28 July 2017 № 1632-p «On approving the program "Digital economy if the Russian Federation"» // Sobranie zakonodatel`stva Rossii`skoi` Federatcii. 2017. № 32. Art. 5138.

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary ducation Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University»

CONTENTS

From the Editorial Board 4

State regulation of the digital economy

Gorodov O. A., Egorova M. A.
Main trends for enhancing legal regulation of digital economy in Russia 6

Breu S. U.
Are blockchains and cybercurrencies demanding a new legislative framework 12

Makarchuk N. V.
Public legal restrictions on the use of cryptocurrencies as a way to minimize potential risks of digitalization of economy 19

Legal instruments in digital economy

Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S.
Digital assets and technologies: some legal aspects of conceptual framework developmenta 22

Digital infrastructure and law

Poddubny E. O.
Electronic justice, enhancing the quality of justice, improving judicial protection of entrepreneurs' rights, modern technologies, electronic document control 27

Antitrust regulation in digital economy

Pisenko K. A., Gasparyan E. G.
Current aspects of methodical support for research of competitive environment condition in digital markets 31

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Education Institution of Higher Education
«Kutafin Moscow State Law University»

EDITORIAL COUNCIL:

Stanislav V. Alexandrov. Head of Office, Association of Russia's Lawyers

Vladimir S. Belykh. Director, Institute of Law and Entrepreneurship of the Ural State Law University, Head of Entrepreneurial Law Department, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Evgeniy V. Vavilin. Vice-Rector, Research, Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor

Victor A. Vaypan. Vice- Rector of Lomonosov Moscow State University, Deputy Chair, Head of Staff, Member of Moscow Branch Council, Association of Russia's Lawyers, Honorary Lawyer of Moscow; Associate Professor, Entrepreneurial Law Department, Lomonosov Moscow State University, PhD in Law, Associate Professor

Evgeniy P. Gubin. Head of Entrepreneurial Law Department, Lomonosov Moscow State University, doctor of law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation

Victor P. Ermakov. General Director of the Russian Agency for Support of Small and Medium Sized Business (member of the Enterprise Europe Network – Russia Consortium), Public Representative of the Russian Federation President Ombudsman on Protection of SMEs' Rights, PhD in Economics

Inna V. Yershova. Head of the of entrepreneurial corporate law Department, Kutafin Moscow State Law University, doctor of law, Professor, honorary worker of higher professional education, honored lawyer of the Russian Federation

Theodor G. Seitz. Prof. h.c. Dr. h.c. LL.M., M. A. (HSG), Barrister and Notary Public, President of the Swiss Centre for International Humanitarian Law

Alexander Yu. Kinev. Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor at Competition Law Department, Kutafin Moscow State Law University

Natalina Litvinova. President of the International Committee for Digital Economy (BRICS), President of the World Fund of development resources «the Birth of the world», member of the Eurasian Information and Analytics Consortium, PhD in law

Sergey V. Maksimov. Chief researcher of the Institute for Study of Science of the Russian Academy of Sciences (ISS RAS), Russian Academy of Sciences, Assistant to Head of Federal Antimonopoly Service (FAS) of Russia, Doctor of Science (Law), Professor

Menno Aden, Essen - Rechtsanwalt Dr. iur. (Bonn)

Rostam J. Neuwirth. Mag. iur. (Graz), LLM (McGill, Montreal), PhD (EUI, Florence), Full Professor Programme Coordinator of Master of International Business Law (IBL) of Law Faculty, Macau University (China)

Vladimir F. Popondopulo. Head of Commercial Law Department, Saint-Petersburg State University, Doctor of Science (Law), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation

Sergey A. Puzyrevsky. Head of Competition Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Deputy Head of Federal Antimonopoly Service (FAS) of Russia. PhD in Law, Associate Professor

Surendra Singh. Associated as a Post-Doctoral Fellow with Centre for Comparative Politics and Political Theory, School of International Studies (SIS), Jawaharlal Nehru University(JNU), New Delhi-India, Associate Member of Institute for Defence Studies and Analyses (IDSA), New Delhi-India, Currently Associated as a Visiting Fellow with School of Political Affairs and World Politics, MGIMO, MFA Moscow-Russia, PhD in International Relations

Alexey G. Sushkevich. Director of Antimonopoly Regulation Department, Eurasian Economic Commission, PhD in Economics, honored economist of Russian Federation

Andrey A. Filimonov. PhD in Economics, founder and partner of the Institute of Compliance

Olga P. Franskevich. Head of Department of Expert Support of Legislative Activity, Expert Analytics Office, State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation

Igor V. Khalevinskiy. Chairman of the Board, Assosiation of Russian diplomats, ; Co-Chair, General Council of Peoples of Eurasia Assembly, PhD in Economics

Julik S. Zimmermann. Professor at Entrepreneurial and corporate Law Department, Kutafin Moscow State Law University, Advisor of "Renova Company groupe" in Russian Federation, doctor of Sciences (Law), Professor, honored lawyer of the RSFSR

EDITORIAL BOARD:

Anna V. Belitskaya. Associate Professor, Business Law Department, Moscow State University, PhD in Law

Olga A. Belyaeva. Chief Researcher, Head of Private Law Disciplines Department, Institute of Legislation and Comparative Legal Studies, Russian Federation Government, Doctor of Law, Professor

Elena E. Bogdanova. head of the Department of civil law, Kutafin Moscow State Law University. Doctor of Law, Professor

Stephan U. Breu. Prof. h.c. DBA, Certified Fiduciary with Federal Diploma of Higher Education, Secretary General of the Swiss Centre for International Humanitarian Law, and Chairman of the Advisory Board, East West Bridge, Switzerland

Alexander V. Volkov. Doctor of Law, professor of civil law disciplines of the Moscow Academy of Economics and Law, managing partner of the advocate bureau «Irbis», advocate

Vladimir I. Gerasimov. Head of Research Collaboration Department, Institute of Research information in social science, Russian Academy of Science (RAN), PhD in Philology

Oleg A. Gorodov. Professor, Commercial Law Department, Saint-Petersburg State University, Doctor of Law, Professor

Yu. A. Cancer. General Director of the Regional legal company "PKK", PhD in Law

Valentina V. Kvanina. Head of Entrepreneurial, Competition and Ecology Law Department, Legal Institute. South-Ural State University (National Research University), Doctor of Law, professor

Mikhail Kupriyanov. Chairman of General Management Board, Alliance of Technology Companies

Sergey A. Parashchuk. Associate Professor, Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, PhD in Law

Dmitriy A. Petrov. Associate Professor, Commercial Law Department, Saint-Petersburg State University, Doctor of Science (Law), Associate Professor

Ilya M. Rassolov. Head of Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor

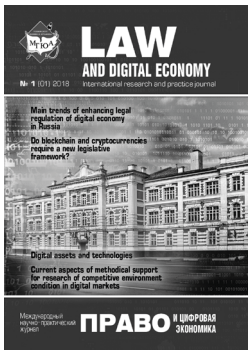
Vladimir V. Safonov. Chief Consultant, Department of Legislation Systematization and Analysis of Juridical practice at Supreme Court of the Russian Federation

Anton A. Skvortsov. Legal Advisor, Research and production enterprise 'Garant Servis University' LL, PhD in Law

Anna V. Tepkina. Deputy Head of Legal Department, Caterpillar Financial, PhD in Law

Alexandra A. Furtak. Head of Corporate Department, 'Goznak' JSC, PhD in Law

Hutchinson Christophe Samuel. University teacher and researcher at the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation, PhD in Law



International research and practice journal

LAW
AND DIGITAL ECONOMY

№ 1 (01) 2018

Founder Kutafin Moscow State Law University

Registered in the Roskomnadzor
Registry (number PI № FS 77 - 72703 from 23.04.2018)

General partners
all-Russia non-profit organization
'Association of Russia's Lawyers',
all-Russia non-profit organization
'Association of Russian Diplomats'

Partners of the publication:
Institute of Compliance,
"Effective business resources" ("EBR"),
"IT-Technologies",
Law Bureau "IRBIS",
Regional legal company "RPK"

The international research and practical journal
is published bi-annually from 2018
Languages of the edition: Russian, English

Editor-in-chief:
Maria A. Egorova. Professor at Competition Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Member of Executive Committee of Moscow Branch, Association of Russia's Lawyers; Chair of Commission for improvement of antitrust legislation at Moscow Branch of Association of Russia' s Lawyers, Member Of the International Committee Digital Economy BRICS, Member of Committee for entrepreneurship security at Chamber of Trade and Industry of the Russian Federation, Prof h.c, LL.D, doctor of law, Associate Professor, Honorary Professor of Johann Heinrich Pestalozzi University Inc. (Florida, USA), Honorary Professor of Logos University (Miami, USA)

CONCEPT OF THE JOURNAL:
the journal is positioned as the first periodical printed edition dedicated to the aspects of financial regulation of digital economy in Russia and other states

READERS:
students and staff of legal departments of universities, state officials, lawyers specializing in legal regulation of digital economy, business and competition law, small and medium business, entrepreneurs, researchers, master and PhD students and all readers interested in the aspects and topical matters of developing legal regulation of digital economy in Russia and other states

MAIN THEMES:
- State regulation of the digital economy
- Legal regulation of crypto currency and mining
- Crowdfunding (problems and perspectives)
- Legal regulation of Big Data
- Technology of blockchains and cryptocurrency (bitcoin, Copernicus, Ethereum, etc.)
- Interests and contradictions associated with blockchains in Finance
- Financial technologies in the current Russian and international legal framework
- Digital technology in the sphere of intellectual property and innovation
- Legal status of smart contracts
- Protection of rights and legal interests of participants in digital markets
- Information security
- Consortiums in the industry web: legal nature and specifics of regulation

CHAIRMAN OF EDITORIAL BOARD:
Victor V. Blazheev. Rector, Kutafin Moscow State Law University, Co-Chairman of the Association of Russia's Lawyers, Honored Lawyer of the Russian Federation

VICE-CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL:
Vladimir N. Sinyukov. Vice-Rector, Research, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D, doctor of law, Professor
Maria A. Egorova. Professor at Competition Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Prof h.c, LL.D, doctor of law, Associate Professor

Executive secretary:

Yu. S. Kharitonova. Professor, Entrepreneurial Law Department Lomonosov Moscow State University, LL.D, Doctor of Law, professor